

ГРАЖДАНЕ ХРИСТИАНСКОЙ ВСЕЛЕННОЙ

*Omne solum forti patria est, ut piscibus aequor.
Et volucris vacuo quidquid in orbe patet.*

Ovid. *Fast.* 1, 493–494¹

*Ныне вот предстала мне некая славная царица и сказала мне
грузинским языком:
«...Встань, не бойся, и по-грузински говори свободно».
Гиорги Святогорец, Житие Иованэ и Эптимэ
Святогорцев.*

¹ *Храбрым отчизна везде, как рыбам морское пространство,
Или для птицы простор всюду на круге земном. Овидий,
Фасты, I, 493–494. Пер. Ф. А. Петровского.*

Средневековая Грузия знала три периода особенного расцвета духовной жизни: время сирийских отцов во главе с Иоанэ (Иоанном) Зедазенским, пришедших в Грузию из большого христианского мира и основавших первые из дошедших до нас и действующие до сих пор самые известные здешние монастыри – Зедазенский, Алавердский, Гареджийский, Икалтойский, Марткопский, Некресский, Шио-Мгвимский (VI–VII вв.); время кларджетских отцов во главе с Григолом Хандзтийским, грузинских подвижников из разных уголков страны, в самой Грузии создавших собственную Фиваиду (VIII–IX вв.), и время выхода грузинских монахов на широкие просторы христианского мира, символом и вершиной которого видятся афонские отцы X–XI веков – Иованэ, Эптвимэ и Гиорги, *«Жития»* которых представлены в этой книге.

Впрочем, этому последнему явлению – стремлению грузин влиться своим ручьем в море все-ленского христианства – почти столько же лет, сколько и Грузии как христианскому государству.

Первый грузинский монастырь вне Грузии – Крестный – был основан в IV веке в Иерусалиме. Из этого же столетия известен царевич Петр Ивер,

епископ Маюмы в Палестине, аскет, церковный деятель и писатель, предполагаемый автор *Ареопагитик*, богословских трудов, известных под именем ученика апостола Павла, святого Дионисия Ареопагита.

Много подвижников было на Синае, среди них Михаил Грузин (VII в.), Иоанэ-Зосимэ (X в.). В монастыре Саввы Освященного при жизни святого и позднее было столько грузин, что там даже совершалась литургия на грузинском языке. То же самое мы находим в монастыре Симеона Дивногорца, где Гиорги Афонский, не установил, но восстановил богослужение на грузинском языке.

Одной из знаковых фигур этого времени можно считать преподобного Илариона Грузина (IX в.), который с молитвой исходил весь христианский Восток и даже побывал в Италии.

Немало среди них было и тех, кто подобно великим афонским отцам, сочетал с молитвенным подвигом и литературные – переводческие, агио- и гимнографические труды. Но именно афонцы, а среди них, в первую очередь, Эптвимэ и Гиорги Святогорцы, заняли особое место в сознании своих соотечественников.

В многолетиях-поминовениях, составленных для достопамятного в истории Грузии и Грузинской Церкви поместного Руисско-Урбнисского Собора² 1103 года, менее чем через 80 лет после

² М. Сабинин. *Рай Грузии*. СПб., 1882, сс. 528–30. Русск. пер.: «Символ», N 40, 1999, сс. 319–20.

кончины Эптвимэ Иверского и через 40 лет после кончины Гиорги Афонского, сразу вслед за общей памятью *«благовыхрных и православно скончавшихся достоблаженных царей наших»* и *«достоблаженных и святых католикосов и блаженных архиереев и иереев»*, провозглашается именная вечная память *«достойным вечного блаженства и великим светильникам нашим Эптвимэ и Гиорги Святогорцам»*.

С тех пор прошло почти целое тысячелетие, в течение которого Грузия переживала триумфы и уничтожения, видела череду замечательных сынов и дочерей, но все же об этих афонских отцах можно сказать, перефразировав слова Гиорги Святогорца, повторенные Гиорги Малым, что таких, как они, *«более не появлялось»* в нашем народе и, может быть, *«уже и не появятся»*. Впрочем, то же самое можно сказать про многих грузинских и негрозинских героев истории.

В чем же их неповторимость, чем был тот свет, который эти *«светильники наши»* несли и несут *«нашим»* и *«не нашим»*, всем, кто обратится к ним? Можно отметить несколько причин, которые способствовали их прижизненной и посмертной славе.

Они процвели в самом центре тогдашней христианской вселенной – на Афоне и в Константинополе.

Сама их родина в эту эпоху была немаловажной составляющей этой вселенной.

Дело, которому они были причастны – создание комплекса афонских монастырей, и их отдельное предприятие – Иверский монастырь, Ивирон, дополнительно прославленный иконой Иверской Божьей Матери, оказалось не только долговечным, но и славным на протяжении последующего тысячелетия³.

Это были люди выдающихся духовных и интеллектуальных дарований. В той сфере, которая наиболее прославила их, и в ту эпоху были и другие замечательные труженики – Арсени Калипосели, Эфрем Мцире, – но они далеко превзошли всех размахом своей деятельности.

И наконец, Господь почтил их особой милостью, которой в Грузии, и не только в ней, удостоились отнюдь не все исторически значимые лица, – им были посвящены великие «Жития», относящиеся к числу лучших творений, написанных на их родном языке.

Эти «Жития», как и предшествовавшие им великие деесписания, посвященные мученикам Шушаник и Або и преподобному Григолу Хандзтели, замечательны, кроме многих других достоинств,

³ Ивирон, Иверон – монастырь Успения Пресвятой Богородицы на Афоне. Грузинский культурно-просветительный центр, один из крупнейших монастырей Афона, 3-й после Великой Лавры и Ватопеда. Основан в 980-983 гг. преподобными Иованэ Святогорцем и Иоанэ-Торником. В разное время назывался Лаврой Климента, Лаврой Ивера (прп. Иованэ Святогорца), монастырем или Лаврой Кир-Евфимия (прп. Эптвимэ), монастырем Иверов, т. е. грузин, сокращенно – Ивирон.

содержащимся в них назиданием.

Когда-то афонские отцы сыграли важнейшую роль в становлении и расцвете национальной культуры, Церкви и государства. Но сейчас в их личности может быть важнее всего то, что они оставили своим соотечественникам – учение, подкрепленное собственным примером, о том, каким должно быть их место в христианской вселенной.

* * *

История грузинских афонцев, как немало других исторического значения событий, носила вначале вполне частный характер. Она началась в области Тао, в Южной Грузии, которая, по укреплению в Картли арабов, постепенно приобрела значение национального центра грузинского народа. Здесь пустил корни род Багратиони, столетия спустя воцарившийся над всей Грузией и оказавшийся одной из самых долголетних династий в мире. Сюда перебрался из Картли молодой монах, впоследствии прославленный Григол Хандзтели, строитель и архимандрит Хандзтийской и Шатбердской обителей, под крылом которого выросли многие выдающиеся деятели государства, церкви и культуры – патриархи, епископы, строители и обновители монастырей и церквей по всей, тогда еще раздробленной Грузии, от Кахетии до Абхазии. Он был духовником и наставником многих грузинских правителей своего времени. Этот великий аскет был в то же время, по свидетельству его *«Жития»*,

человеком высокой культуры, знатоком многих языков, божественных книг, а также «мудрости... мира сего философов», и широкого кругозора, который включал в себя Константинополь, куда преподобный совершил паломничество, Святую Землю, где жили его ученики, и еще «все замечательные Греции святые места»⁴.

В его «Житии» мы находим такое определение Грузии: «*Картли (Грузия) насчитывает множество стран, где литургия служится и всякая молитва исполняется на грузинском языке, а кириелейсон говорится по-гречески, что значит по-грузински: «Господи, смилуйся», либо «Господи, помилуй».*

Наивная, на первый взгляд, формула, которая как будто рассматривает национальную жизнь в узком церковном разрезе, да еще содержит элемент, по видимости являющийся случайным и преходящим, – произнесенное по-гречески «*Господи, помилуй*», – дает три четких признака для выяснения национальной природы грузин.

Это – этническое своеобразие, что яснее всего проявляется в языке и, со своей стороны, состоит из своеобразий множества краев («множества стран»); христианское вероисповедание, в центре которого находится литургия; и, наконец, принадлежность к большому христианскому братству, знаком и печатью чего является произнесенная на международном языке христиан кратчайшая молитва. Следовательно, грузинский народ и Гру-

⁴ Житие Григола Хандзтели, М., Criterium, 2008, с. 75.

зия уже на одном из начальных этапов объединения предстают как сложные понятия, свободные не только от местной, таоской или картлийской, но и более широкой, грузинской ограниченности. На протяжении веков истории Грузии можно найти тысячу вариаций этого греческого *кириелейсон*, с тем общим свойством, что всегда это была нить, которая связывала мысль грузина с остальным миром. Например, сходное по духу и выражению определение, принадлежащее современнику преподобного Григола Иованэ Сабанисдзе, автору *«Мученичества Або Тбилели»*: *«Вот, и у жителей Картли есть вера, и названа Матерью святых, некоторых здешних же жителей, а некоторых чуждых и извне пришельцев к нам»*⁵.

* * *

Примерно тогда же, когда писалось *«Житие»* Григола, видный таоский князь и знаменитый воин Иованэ⁶ оставил семью и постригся в монахи. Такие поступки в то время не были редкостью. Нередко случалось и то, что подобное бегство от мира, вполне искреннее стремление к неизвестному существованию, в конце концов, приводили к известности, о какой не мог бы и мечтать тот же человек, оставшись в миру. Вместе с личными свойствами Иованэ, и сплетение обстоя-

⁵ *Мученичества Шушаник, Эвстати, Або*. М., Criterium, 2012, с. 113.

⁶ Иованэ (Иоанэ, Иоанн), преп. († X в., память 12/25 июля),

ятельств способствовало тому, что он просиял среди подвижников своего времени, и не только просиял сам, но разделил славу с целой группой соратников и последователей и вдали от родины потрудился для нее столь плодотворно, что оказался в ряду с самыми знаменитыми людьми своей страны. Афонский монах Эзра⁷ в каноне, посвященном Иованэ, так описал этот парадокс:

«Странничество твое, богоносне, и бегство от славы человеческой поставили тебя на подсвечник высокий, дабы светил ты блистанием добродетелей твоих по всему поднебесью»⁸.

Увлеченный этим стремлением, Иованэ оставил родину, отправился в Византию и поселился здесь на Горе Олимп – не на европейском Олимпе, где некогда имели жительство греческие боги, но на Олимпе вифинском, в древних грузинских источниках именуемом Улумбо – одним из важнейших центров греческого и мирового монашества. На Горе Олимп было много обителей, и неизвестно, каким именно был тот *«монастырь некий»*, который приютил пришедшего из Тао монаха, но известно, что столетием раньше здесь основал монастырь

⁷ Грузинский гимнограф XI в., насельник Иверского монастыря, автор канона его основателю Иованэ Святогорцу.

⁸ Эзра Афонский. *Святому отцу нашему Иоанэ Грузину, который построил на Святой Горе великую Лавру*. «Чвени саундже» (Наше сокровище), т. I, сост. Сол. Кубанейшвили, Тб., 1960, с. 503. Текст сохранился в нескольких списках, наиболее ранний из которых датируется 1074 годом.

подвижник из Грузии Иларион Чудотворец⁹.

Здесь, на Олимпе, бывший царедворец Иованэ «подвиг служения при мулах мужественно взял на себя и иные низкие служения и презренные в смирении совершил», – как сообщает Гиорги Афонский, описатель его жизни и подвигов. За годы пребывания на Олимпе Иованэ не только воспитал себя, но достиг такой духовной меры, что мог руководить и назидать других. С течением времени слава о высокородном «служителе при мулах» пронеслась среди греков и грузин, и на Гору устремились соотечественники Иованэ, подобно ему горевшие желанием возвышенной жизни вдали от родины и искавшие себе наставника.

Здесь же, на Олимпе узнал Иованэ о том, что его сын Эптвимэ, согласно практике той эпохи, вместе с другими благородными юношами отдан в заложники византийскому кесарю Никифору¹⁰, в залог дружбы между ним и таоским правителем куропалатом Давидом. Иованэ, по собственной воле оставивший родину и семью, и по смыслу

⁹ Иларион Грузин, Чудотворец, преп. († 875, память 19 ноября/2 декабря) – родом из кахетинских князей Вачнадзе. Монашеская жизнь его и деятельность протекала в Грузии, Греции и Италии. См. *Житие и деяния святого отца нашего Илариона Грузина*. «Чвени саундже», т. I, Тб., 1960. Перевод на латинский язык о. Поля Пеетерса (S. Hilarion d'Iberie, pp. 236–243, par P. R. *Vita et mores sancti beatique patris nostri Hilarionis Hiberi*. Benedic, Domine, «Analecta Bollandiana», tomus XXXII, 1913, Bruxelles, pp. 243–269).

¹⁰ Никифор Вотаниат (963–969).

своего поступка, и по прямому требованию данного при постриге обета, не принадлежал уже миру сему и «*вся, яже в мире*», в свое время оставленное им, уже не принадлежало ему. Жития людей того же призвания, что и Иованэ, дают поразительные примеры строгого и точного исполнения взятых на себя обязательств. Так, старший Симеон Столпник, избегавший непосредственного общения с женщинами, отказался и от встреч с родной матерью, которая после долгих поисков с трудом обнаружила местопребывание потерянного в юности сына. «*Увидимся в Царстве Небесном, если того заслужим*», – передал он матери¹¹.

Но истинные подвижники, как свидетельствуют их биографии, никогда не подражали слепо примеру даже величайших предшественников, и в их жизни не менее, а то и более явно, поскольку объектом их творчества являются собственная личность и судьба, сказывается роль вдохновения, чем в жизни какого-нибудь великого поэта или выдающегося полководца.

Так же по-своему поступил и Иованэ. Он явился ко двору императора, встретился с тестем, который сопровождал заложников в Царский Град – Константинополь, строго выговорил ему за то, что не внуков от своих сыновей, а его, Иованэ, «*сироту*» – отрока Эптвимэ пожертвовал он для выдачи в чужую страну, затем вытребовал своего сына и вместе с ним вернулся на Олимп.

¹¹ † 459 г. Память 1/14 сент.

Вскоре, избегая людской славы, он оставил Олимп и отправился в Грецию, на Афон, будущую Святую Гору, где монах Афанасий, впоследствии наименованный Афонским, только что заложил основу для нового и обширного монашеского местожительства.

Монашеские поселения на Афоне были известны и до того, но с великого Афанасия Афонского начинается история этого самого значительного монашеского комплекса, своеобразного и неповторимого объединения монастырей, которое, пережив множество приключений, дожило в том же качестве до наших дней. И у истоков его рядом с греком (наполовину грузином)¹² Афанасием стояли Иованэ и его сын – отрок Эптвимэ.

Оба автора «*Житий*» Иованэ, грузинского и греческого, Гиорги Афонский и безымянный монах-грек, подвизавшийся в Иверской Лавре в XVII–XVIII вв., особенно этот второй, подчеркивают дружбу и близость между Афанасием и Иованэ. Автор-грек пишет даже, что это была как бы «одна душа, жившая в двух телах». В свидетельстве особого духовного родства автор приводит завещание Афанасия, по которому опекуном построенной им Великой Лавры и всего Афона Афанасий оставлял Иованэ¹³. Эти любовь

¹² Афанасий Афонский, преподобный († 1001, память 5/18 июля), был грузином (колхон) по матери (*Афонский патерик*, ч. II, с. 6).

¹³ *Афонский патерик*, М. 1897. М., 1994, ч. II, с. 52; II, сс. 87–88.

и уважение распространялись и на Эптвимэ, который, по требованию завещания, должен был стать после Иованэ опекуном Великой Лавры и Афона.

Афанасий по матери был колх, т. е. принадлежал к одному из западногрузинских племен, и это рождает соблазн объяснять его любовь к грузинским монахам, в основном, родственными чувствами. Но это само по себе достойное внимания обстоятельство, если придать ему слишком много значения, оставит в тени величие личности Иованэ и ту заслугу, которую он имеет в создании афонского чуда.

«Блаженный Иоанн, – передает греческий автор слова Афанасиева «Завещания», – многожды переплыл море (от Афона до Константинополя), предстал перед многими царями и множество милостей испросил для Афанасиева монастыря и всего Афона». По сведениям «Завещания», через Иованэ было пожаловано Великой Лавре 244 номисмы, которые Лавра ежегодно получала с острова Лемноса, а также целиком остров Неон. «И не только находясь в нашей Лавре, споспешествовал он нам, – свидетельствует Афанасий, – но и тогда, когда, уйдя из нашей Лавры, он по милости Божией воздвиг и построил свою Лавру»¹⁴.

¹⁴ Греческое житие Иованэ, Эптвимэ и Гиорги Афонских. Греч. текст с грузинск. переводом и исследованием подготовила к изданию Манана Мачханели. «Мецниереба», Тб., 1982, с. 84. Иную редакцию *Завещания* см. *Афонский патерик*. М. 1897, ч. II, сс. 50–58.

Итак, еще до того деяния, ради которого он навсегда вписан в грузинскую летопись, Иованэ принял участие в общем христианском деле, и, если его имя не упоминается всегда рядом с именем великого Афанасия, это по сути ничего не меняет в том факте, что Иованэ был одним из главных созидателей того общехристианского, общечеловеческого явления, каким стал и остается на протяжении последнего тысячелетия комплекс афонских обителей.

Но и от славы, которую он вторично стяжал на Афоне, пытался бежать Иованэ, когда решил оставить привычное место и удалиться за тридевять земель, в Испанию – «в Спанию,.. ибо слышал, что грузин немалые племена и народы живут там»¹⁵. От этого намерения пришлось отказаться по просьбе самого императора. Вновь, как на Олимпе, любители созерцательной жизни из Грузии собираются вокруг славного подвижника. И тогда, по совету Афанасия, Иованэ основывает отдельный монастырь, дабы пришедшие сюда его соотечественники имели постоянное место для «отдохновения».

* * *

Новый монастырь, скорее всего, явился бы одной из тех небольших грузинских обителей, что были разбросаны по всему свету – в Палестине и Египте,

¹⁵ *Житие ИЭ*, с. 126; «Символ», № 34, 1995, сс. 365–366.

на Черной Горе, Кипре и Олимпе (тогда еще не был расширен и перестроен великолепный Крестный монастырь в Иерусалиме и не существовал Петрицонский¹⁶ монастырь в Болгарии), если бы не еще одно чрезвычайное обстоятельство, ничего общего не имевшее ни с Грузией, ни с монашеским житем. Мятеж византийского вельможи Варды Склира охватил всю восточную часть империи и поставил в критическое положение молодых правителей Василия и Константина и их опекунов – мать и дядю. Они решили обратиться к своему союзнику, могущественному правителю области Тао куропалату Давиду¹⁷, но не знали, кому доверить это дело, поскольку столица была отрезана от восточных границ.

Еще в бытность Иованэ в монастыре Афанасия, к нему присоединился известный таоский военачальник Торник¹⁸. И теперь именно к нему, прославленному воину, обратились опекуны малолетних императоров – еще один показатель тесных отношений, связывавших начальников Афона с византийским престолом, в значительной мере, как видно из грузинского и греческого житий первых афонцев, через Иованэ. Торник ни за что не соглашался нарушить монашеский обет и вернуться к прежнему ремеслу, хотя бы и на время, и

¹⁶ Ныне – Бачковский монастырь.

¹⁷ Давид, куропалат († 1001).

¹⁸ Торник, Ио(в)анэ-Торникэ (Иоанн-Торникий), синкелл, преподающий (X в.; память 12/25 июня).

«с великой скорбью» умолял Афанасия и Иованэ оставить его в покое. Но те принудили его, взяв на себя «всю вину», и «едва уговорили его идти». Как передает Гиорги Афонский, Афанасий и Иованэ объяснили свою настоятельную просьбу страхом, что, если не исполнят просьбу императоров, «великий гнев» навлекут «на самих себя и на монастырь этот»¹⁹. Но трудно поверить, что эти два человека возвышенной души, давно вставшие на путь духовного совершенствования, страхом были вынуждены требовать такого необычного и неслыханного поступка от Торника, который был уже не Торник, а монах Иованэ. Скорее можно думать, что на «страх императорский» они ссылались ради Торника, а самими ими руководил не страх, а то самое вдохновение, под влиянием которого Иованэ некогда оставил Олимп и ради Эптимэ явился в Константинополь.

Да и итог их просьбы был не таков, каковой следует за делом, совершенным по страху и принуждению, но таков, каковой нужно считать справедливым воздаянием вдохновенного деяния. Торник счастливо преодолел большой и опасный путь, достиг Тао, получил от куропалата 12-тысячное войско, успешно провел кампанию против мятежников и с большой добычей вернулся на Афон.

Немалая часть этих неожиданно объявившихся

¹⁹ *Житие ИЭ*, с. 114; «Символ», № 34, 1995, с. 361.

средств досталась в качестве подарка другим афонским монастырям, которые, по слову Гиорги Афонского, тогда еще были бедны и не столь многочисленны. Гиорги перечисляет некоторые из даров, доставшихся афонским обителям. И сейчас, тысячу лет спустя, этот список, частично совпадающий с данными завещания Афанасия Великого, документально подтверждает слова Гиорги Святогорца, что в первый период Афона здешнее иверское братство было благодетелем и помощником других насельников Святой Горы.

Так что, с именем Иованэ и Торника непосредственно связано начало расцвета не только грузинской общины, но и всего Афона.

На остальные же средства, вместо маленькой обители, был выстроен посреди Афона один из самых больших, славных и богатых здешних монастырей – Иверская Лавра, которую по-гречески сокращенно именовали «Ивирон» («Иверийцев», «Иверский»).

Обширность Иверской Лавры, довольно скоро оказавшаяся роковой для ее грузинских насельников, вовсе не была вызвана жизненной необходимостью – соответствующим числом монахов-грузин на Афоне. Напротив, строители Ивирона с самого начала должны были отказаться от намерения принимать в число братии монастыря только грузин, хотя такое намерение существовало, о чем сообщает Гиорги Святогорец, и что соответствовало совету Афанасия – выйти из его

монастыря и для «упокоения» соотечественников создать отдельную обитель. На Афоне не было столько грузин, чтобы заполнить монастырь, могущий вместить три-четыре сотни братии.

Возможно, в решении начальников Ивирона построить обителище, размерами с самого начала превосходящее непосредственные потребности, сыграло свою роль некое ослепление, та свобода, которую дали строителям богатства, привезенные победоносным Торником. Возможно, они имели в виду и религиозный подъем, которым была объята Грузия. Но главной причиной грандиозного строительства, по-видимому, было все-таки внутреннее величие предпринявших его людей.

Торник получает от Гиорги Афонского наименование Великого. И то трудное и тяжелое дело – поход против Варды Склира, которое взял на себя и блестяще завершил уже пожилой полководец, подтверждает справедливость этого титула. Но если велик был Торник, то каков был Иованэ, которого сам великий Торник искал сначала на Олимпе, затем на Святой Горе с одним желанием – стать его учеником и послушником, который в чужой и дальней стране приобрел такую славу, что дважды счел себя вынужденным бежать от нее.

В первых насельниках Афона как будто ожил дух мифического гиганта Афоса, давшего имя этой местности. Третий настоятель Ивирона Гиорги, воздвигший кафоликон, собор монастыря, оставил в центре храма меж четырех мраморных

колонн греческую надпись – взятые из псалмов слова Господа Саваофа: «*Аз утвердих столпы ея, и не подвижутся во веки веков*» [Пс 74, 4; 124, 1], и приписал собственное имя «*Георгиос монах, ивериец и строитель*».

В 1308 году арабы, опустошившие Афон, решили разрушить кафоликон, но не смогли сдвинуть столпы, утвержденные строителем, и оставили свое намерение. Надпись Гиорги и по сей день находится на месте в свидетельство духовной силы, создавшей этот великолепный монастырь²⁰.

* * *

Среди этих великих людей, которых влекли к себе сверхобычные, почти сверхчеловеческие поступки и деятельность, с отроческих лет воспитывался сын Иованэ – Эптвимэ, который и сам оказался человеком той же героической породы, что Афанасий, его отец Иованэ и Торник. Гиорги Святогорец и автор греческого «*Жития*» передают несколько афонских сказаний о Эптвимэ, из которых видно, в каком нездешнем свете еще при жизни

²⁰ Менабде Л. *Очаг грузинской культуры на Афоне*. Тб., 1982, с. 19. На грузинск. яз. Многим насельникам Афона была свойственна, судя по источникам, некоторая могучесть, начиная от Афанасия Афонского (см., напр., о нем в кн. Бориса Зайцева *Афон*, Париж, 1928, сс. 87–92) и до недавно прославленного в лике святых схимонаха Силуана (см. кн. иеромонаха Софрония *Преподобный Силуан Афонский*. Патриарший ставропигиальный монастырь св. Иоанна Предтечи, Эссекс, 1990).

виделся Эптвимэ афонским монахам. Одно из них особенно выразительно.

Однажды, согласно рассказывают агиографы, афонские монахи во главе с Эптвимэ по обычаю, принятому на Афоне в праздник Преображения, поднялись на вершину Горы, чтобы провести там ночь и совершить богослужение. Когда на рассвете приступили к служению литургии, и Эптвимэ возгласил: «*Свят Господь Саваоф*»²¹, страшно сверкнула молния и дрогнула земля. Братия от страха поверглась ниц, как ученики Христа на Фаворе в момент Преображения, подчеркивает греческий автор, и лишь Эптвимэ продолжал стоять, подобный огненному столпу.

По смерти двух своих отцов – духовного и плотского, как именует их автор греческого жития, Афанасия и Иованэ, Эптвимэ остался не только настоятелем Иверской Лавры, но и управителем Великой Лавры Афанасия и духовным главой Афона. «*Святым отцом нашим вместе с подвижничеством и мирскими попечениями, и переводом книг и эта великая забота была подъята, – сообщает Гиорги Афонский, – ибо ни прот, ни другие управляющие без его приказанья ничего не делали, и редкий день пройдет, в который десять или пятнадцать домоправителей*

²¹ «*Свят, Свят, Свят Господь Бог Саваоф. Полны небеса и земля славы Твоей. Осанна в вышних. Благословен Грядущий во имя Господне. Осанна в вышних*» – одно из песнопений центральной части литургии (евхаристического канона).

не придут к ним»²². И жизнь его, как видно, явилась бы в некотором роде повторением и продолжением жития «обоих отцов»²³, если бы не один случай, некое таинственное видение, которое с отрочества придало неповторимый образ его существованию. Об этом видении в монастыре знали от Иованэ – отца Эптвимэ.

«В пору юности его, – передает Гиорги Афонский, – пока отроком еще был, болезнью жестокой охвачен был и был близок к смерти. И говаривал блаженный Иованэ: „В уповании отчаялся я спасения его, ибо предполагал внезапный исход души, так как уже и речи не осталось при нем, ни голоса, и, как это встревожен был, ушел в храм Святой Богородицы и пал перед образом Святой Царицы, и со слезой горячей умолял Непорочную Приснодеву Богородицу, чтобы заступницей была ему и дала облегчение. И заповедал священнику, чтобы спешно взошел и причастил его Тела и Крови Господней. И как это встревожен я был и вверх спешил видеть, что же сделалось, открыл дверь кельи, где и оставил лежащего, и внезапно обонял дух благоухания удивительный, ибо случилось призрение Святой Богородицы, и увидел Эптвимэ, ибо благодатью Ее он восстал и сидел на ложе

²² *Житие ИЭ*, сс. 163–164; «Символ», № 35, 1996, с. 288.

²³ Эптвимэ уподобился своему духовному отцу Афанасию даже странным, «соблазнительным» образом кончины: Афанасий погиб под развалинами возводимого им храма, а Эптвимэ был жестоко изранен понесшим его мулом.

всячески здоровый и невредимый.

И как изумился разум мой, и спрашивал его: „Что это такое, чадо?“, ответил мне и сказал: „Ныне предстала предо мной некая славная царица и сказала грузинским языком: „Что это, что болит у тебя, Эптвимэ?“ А я сказал: „Умираю, царица“. И как это сказал я, приблизилась и взяла за руку и сказала мне: „Никакой нет страсти в тебе, встань, не бойся, и по-грузински говори свободно“. И вот, как видишь меня, вовсе у меня ничего не болит“. И говаривал блаженный Иованэ: „До того времени с трудом говорил по-грузински, и я весьма печален был из-за этого, а с тех пор безостановочно, как источник, изливается <грузинская речь> чище, чем у всякого грузина”»²⁴.

Этот удивительный рассказ, составляющий самую яркую часть повествования Гиорги Афонского, более впечатляющий, чем даже чудо, происшедшее на Афонской Горе, не внес в свое сочинение автор греческого жития афонских грузин. Он лишь довольно сухо сообщает, что Эптвимэ, взявшись за подвиг изучения Священного Писания, от больших трудов сильно заболел и «обессилел настолько, что был близок к смерти, но спасся не заботами лекарей, а вмешательством Владычицы нашей Богородицы, которая явилась ему во сне и даровала ему здоровье»²⁵.

²⁴ Житие ИЭ, с. 136; «Символ», № 34, 1996, с. 369.

²⁵ Греческое житие Иованэ, Эптвимэ и Гиорги Афонских, с. 96.

Нетрудно заметить, как обесцветился и до какого уровня снизился рассказ Иованэ в произведении греческого автора, как будто какая-то сила отжала этот богатый эпизод и оставила одну оболочку. Исчезло благоухание – в прямом смысле, то благоухание, которое учуял Иованэ, войдя в келью, исчезло волнующее собеседование между Эптвимэ и небесным существом. Почти исчезло само это небесное существо – «славная царица», от которой остался только титул. И, наконец, весь этот исполненный жизни эпизод обратился всего лишь в сон. И все же главная потеря в другом – исчезли эти несколько слов: «...Сказала грузинским языком... по-грузински говори свободно...».

Сдержанность монаха-грека или его источников при передаче чудесного рассказа нельзя приписать маловерию, поскольку в том же произведении не одно чудо пересказано подробно и с охотой, и даже этот случай, хоть и обратившись в сон, в глазах автора все равно остается чудом. В явлении Богородицы, ангелов, святых и самого Господа и внезапном исцелении ими больных не было ничего невероятного для афонского монаха. Но эти три слова – «по-грузински говори свободно» – по-грузински же произнесенные самою Пречистой и подчеркнутые особым обстоятельством – Ее личным явлением, или призрением, открыли бы перед греческим монахом неожиданную и непривычную перспективу, если бы он принял этот рассказ.

Он писал «Житие» афонских грузин как

историю предтеч современных ему греческих насельников Ивирона. Поэтому их грузинское происхождение, переводческую деятельность Эптвимэ, то, что Эптвимэ, словами того же автора, *«обогатил их (грузин) смиренный народ золотыми произведениями и более украсил их и сделал более славными, чем Кир < свой народ > разнообразными победами, а Крез – многочисленными своими богатствами»*²⁶, – он рассматривал все же как частную сторону их биографии. А слова Божьей Матери, похожие на заповедь, необычайно увеличивали вес этой частной стороны, значение грузинского происхождения строителей и первых отцов Ивирона, в новом свете являли смысл создания и существования Иверской Лавры. Это событие в том виде, в каком оно передано Гиорги Афонским, представляет собой, если прибегнуть к соответствующему стилю, бездну премудрости, и греческий агиограф уклонился от взгляда в эту бездну и предпочел более скромный, зато безопасный вариант.

Если этот эпизод и десять веков спустя способен вызвать волнение у читателя, можно представить, как подействовал бы он на Эптвимэ, который был его свидетелем, участником и целью. Это видение, небесное вразумление относительно любви к родному языку и – шире – к родной стране не было ни единственным, ни первым. Еще на Олимпе могли слышать будущие насельники

²⁶ *Греческое житие Иованэ, Эптвимэ и Гиорги Афонских*, с. 97.

Ивирона сказание о предстоятеле олимпийских обитателей, который отказался принять пришедшего к нему с учениками Илариона Чудотворца. *«В ту ночь, – сообщает житие Илариона, – приступила святая Владычица наша Богородица с гневом к предстоятелю тому и сказала: „...Или ты не знаешь, что многие говорящие их языком будут жить на этой горе?.. И не принимающие их, враги Мне”»*²⁷. Примечательно, что и здесь для обозначения грузин использован язык, на котором они говорят. А примерно в то время, когда Эптвимэ удостоился видения, на Синайской Горе монах-грузин тамошнего монастыря Иоанэ-Зосимэ, кто знает, по какому вдохновению, записал несколько строк, удивительных не менее, чем рассказ Иованэ.

*«Хранится язык грузинский до дня Второго Пришествия... дабы всякий язык Бог обличил этим языком, – писал синайский ведатель тайн. – И язык этот спит до сего дня... И этот язык, украшенный и благословенный именем Господним, смиренный и презираемый, ожидает дня Второго Пришествия Господня»*²⁸.

Грузинские видения не представляют собой исключения в истории национальных культур. Не нужно далеко ходить за примером, достаточно вспомнить предания, которые связаны с созданием

²⁷ *Житие и гражданство святого отца нашего Илариона Грузина*. с. 284. На грузинск. яз.

²⁸ Иоанэ-Зосимэ, *Хвала и слава грузинского языка* (Перевод – прот. И.З.).

армянского алфавита²⁹. Но эти видения все же отличаются особым характером, количеством и блеском.

Как оценить значение этих пророчеств, видений, сказаний – всего этого мистического языкознания, в особенности, в жизни смиренных народов и их презираемых языков? Какую силу, должно быть, придавала нашим предкам вера в то, что знаки и звуки грузинского языка столь же священны, столь же угодны небесам, как и божественные еврейские, греческие и латинские письма и глаголы. Смелость и размах творчества в последующие эпохи, невиданное дотоле в Грузии Руставелиево поэтическое дерзновение, быть может, берет истоки в этих прозрениях, в том сказочном видении, которое посетило отрока Эптвимэ на границе жизни и смерти.

Множество этих видений и тысячи способов, с помощью которых провидение учило наших предков любви к грузинскому языку и своему национальному происхождению, рождает также одну странную мысль, что для них это, возможно, было не таким уж легким предметом.

Если приглядеться, национальная идея с трудом пускала корни на грузинской почве, и у этого явления были свои вредные стороны и не раз отрицательно сказывались в нашей истории. Но по той же причине наши предки на протяжении веков свободны были от чрезмерного увлечения

²⁹ Мовсес Хоренаци. *История Армении*. III, 53.

своей национальностью, от пленения собственным грузинством.

«Житие» основателей Иверского монастыря являет прекрасный пример того, как обстоятельства научали представителей нашего народа любви к родине. Когда Иованэ оставил семью и родную сторону, это, разумеется, ничего общего не имело с патриотизмом. Напротив, находилось в соответствии с самым «антипатриотическим» поучением Евангелия: «Враги человеку домашние его»³⁰. Но это предостережение лишь дотоле было в силе, пока Иованэ не достиг духовного совершенства. С этого момента, собрание грузин сначала на Олимпе, затем на Афоне, появление Эптимэ, предложение Афанасия, геройство Торникэ дали новое направление существованию Иованэ, и вместе со «сладким игом» монашества, как любили выражаться в этом кругу, возложили на него и иго служения родине, сородичам и родному языку.

Еще более драматичным было вторжение грузинской темы в жизнь Эптимэ. В детстве увезенный с родины, он рос и воспитывался в святейшем месте Греции, рядом с Афанасием Афонским – одним из величайших представителей греческого монашества, прекрасно владел, наверное, самым богатым в мире языком, доведенным до совершенства неустанным трудом бесчисленных поколений, который открывал ему дорогу в неисчерпаемую сокровищницу несравненной греческой

³⁰ Мф 10, 36.

культуры; полученное образование, собственный талант и потенция, личный опыт святости, близость к высшим государственным и церковным кругам Второго Рима служили залогом того, что Эптвимэ сам станет одним из корифеев современной ему греческой цивилизации. Ему и предложили однажды древнейшую и важнейшую Кипрскую архиепископию³¹. Но все это сменило неожиданное призвание, повернувшее сердце и разум Эптвимэ к далекой родине и позабытому родному языку.

Как следовало понять таинственное приказание: *«по-грузински говори свободно»*, – это, возможно, было не столь легкой задачей для Эптвимэ, как кажется сейчас, при взгляде на эту историю из дали веков, но он сумел ее решить. Переводческая деятельность Эптвимэ, ее размах и объем являются одним из чудес грузинской истории. В основном, в те годы, пока отец его был здоров и сам управлял делами монастыря, Эптвимэ перевел с греческого на грузинский огромное число книг, *«которые исчислить вряд ли возможно»*³². Гиорги Афонский приводит названия 49 книг – поучений, толкований и житий – и замечает при этом, что то лишь часть переводов Эптвимэ, а по расчетам самого авторитетного историка древней грузинской литературы Корнели Кекелидзе их число достигает ста или даже ста шестидесяти.

³¹ *Житие ИЭ*, с. 136; «Символ», № 35, 1996, с. 281.

³² *Ibidem.* с. 137.

Эптвимэ трудился самозабвенно. По сообщению его биографа, он днем и ночью без отдыха «переводил... не только на Олимпах и Святой Горе, ...но и в Царском³³, и в дороге, и в других таких местах». Иованэ всячески способствовал деятельности своего сына. Кто знает, не он ли разъяснил Эптвимэ, как ему следовало понять полученную заповедь. «Сказывал ему отец Иованэ, – передает Гиорги Святогорец. – Чадо мое, Картлийская страна весьма недостаточна от книг, и многих книг недостает, и вижу, что Бог даровал тебе. Ныне подвизайся, чтобы умножить вознаграждение твое от Бога»³⁴.

И если Эптвимэ был зачинателем и главной фигурой того переводческого движения, которое постепенно сложилось вокруг него, Иованэ, как настоятель Иверского монастыря, представляется тем человеком, который подготовил внешние условия этой обширной деятельности, устроил переписку и пересылку в Грузию переведенных книг. У этого движения был еще один немаловажный участник – могущественный правитель Тао куропалат Давид, с большой радостью принявший первые переводы Эптвимэ и, как бы от имени Грузии, настоятельно просивший о новых и новых книгах. Он первый, по свидетельству Гиорги Афонского, назвал Эптвимэ «новым Златоустом»,

³³ Царский Град, Константинополь, Царьград.

³⁴ *Житие ИЭ*, с. 136; «Символ», № 34, 1996, с. 369.

звание, о котором и через семь веков вспомнил греческий агиограф.

У Эптвимэ в свое время появились и сподвижники, продолжателем его дела был сам Гиорги Святогорец, позднее над тем же делом много потрудился на Черной Горе близ Великой Антиохии Эфрем Мцире (Малый)³⁵. И все-таки именно Эптвимэ остался навсегда олицетворением революции, которую произвели в отечественной культуре удалившиеся на чужбину грузины на рубеже двух тысячелетий.

Разумеется, это не зависело только от количества переведенных Эптвимэ книг, но и от того, какие книги он перевел. А то были, в основном, монументальные произведения христианской греческой литературы, ее духовные и интеллектуальные вершины – поучения Василия Великого, труды Григория Богослова, великого Макария Египетского, Максима Исповедника, Иоанна Лествичника.

На протяжении жизни одного человека – Эптвимэ Святогорца – грузинский народ приобрел целую литературу высшего качества. Но заслуга Эптвимэ вовсе не исчерпывается количеством и составом переводов. Если можно говорить о произведениях великой греческой литературы, приобретенных и нашими предками, право на это дает

³⁵ Эфрем (Ефрем) Малый (в отличие от Ефрема Великого, см. об этом последнем в *Житии Григола Хандзтели*), прозванный Философом, преподобный († 1102, память 18/31 января).

и качество этих переводов.

Еще его отец отмечал, что грузинский язык Эптвимэ совершеннее, чем у любого грузина. Можно ли думать, что эта оценка Иованэ была оговоркой или преувеличением? Гиорги Афонский дает таланту Эптвимэ и его переводам еще более высокую, абсолютную оценку, говоря, что *«такового перевода, кроме тех первых³⁶, более не появлялось на нашем языке и, думаю, что уже и не появится»³⁷*. Гиорги – главный духовный наследник Эптвимэ и продолжатель его деяния, сам бывший автором не одного классического перевода, среди которых *«книга псаломская Давид – украшение и венец всех книг»*, по справедливому определению Гиорги Мцире, биографа Гиорги Афонского, – больше многих других способен был объективно, профессионально оценить труд Эптвимэ.

Литература, созданная Эптвимэ на грузинском языке, на первый взгляд, уже не составляет живую часть духовного бытия его соотечественников. Переведенные им книги – свидетельство интеллектуального подвига, самоотверженного труда – покоятся в хранилищах, как кольчуга Торника³⁸ в сокровищнице Ивирона, и его деяние пред-

³⁶ Древнейших грузинских переводов Священного Писания.

³⁷ *Житие ИЭ*. с. 136; «Символ», № 34, 1995, с. 369.

³⁸ Кольчугу Торника, еще одно свидетельство необычайной физической мощи афонских подвижников, можно было увидеть в документальном фильме Гурама Патарая *«Афонская обитель грузин»* (1976).

ставляется таким же незабываемым, но далеким воспоминанием, одним из блестящих эпизодов национального эпоса, как походы того же Торника и Вахтанга Горгасали³⁹ и деяния Давида Строителя. Лишь в разное время, иногда вопреки прямой просьбе – «*пишите... и мое, грешного, имя*»⁴⁰ – анонимно и почти анонимно изданные некоторые его произведения и переводы дают возможность с более близкого расстояния взглянуть на его дело, угадать *ex ungue leonem* – по когтю льва, представить, что взвалил на себя Эптвимэ, чем обогатил он сознание соотечественников, грузинскую культуру, грузинский язык.

Когда читаешь Эптвимиев перевод одного из шедевров средневековой мысли и словесности – «*Лествицу*» Иоанна Синаита, нельзя не поразиться, как мог этот грекоязычный грузин, в свое время с трудом говоривший на родном языке, передать с таким замечательным мастерством мысли и поучения одного из величайших в исто-

³⁹ Грузинский царь и святой († 502, память 30 ноября/13 декабря). Вахтанг Горгасали, царь-воин, основатель нынешней столицы Грузии Тбилиси, инициатор установления автокефалии Грузинской Церкви. Мощи его покоятся под спудом в Мцхете, в Патриаршем кафедральном соборе Свв. Двенадцати Апостолов, более известном как Светицховели (Животворящий Столп).

⁴⁰ Эптвимэ Атонели. *Предисловие к переводу «Лествицы» преподобного отца нашего Иоанэ, настоятеля Синайской Горы. Календарь Грузинской Церкви, 1986, с. 201 (перевод – прот. И. З.).*

рии человечества психологов-сердцеведцев и писателей-виртуозов, богатство и разнообразие его лексики, разработанную, поистине научную терминологию, четкие характеристики и определения. Ведь препятствием для Эптвимэ служило не только первоначальное слабое знание родного языка, но и то, что сам этот язык находился в стадии формирования. Его потенциальные богатства лишь частично были выявлены и приняты в литературный оборот. Разумеется, существовала определенная книжная культура, литературная традиция, существовали *«те, первые»*, древние известные и безымянные переводчики Священного Писания и Отцов Церкви, перед которыми сам изошренный Гиорги Святогорец склонял голову, существовали оригинальные и переводные жития и литургические тексты, наконец, богатейшая устная словесность.

И все же это лишь отчасти могло служить подспорьем при переводе столь своеобразного произведения, каковым является труд синайского игумена. Кто-то уже до Эптвимэ брался за перевод этой книги, но предшествующая традиция не удовлетворяла его. В предисловии к переводу *«Лествицы»* Эптвимэ сообщает: *«А тот, кто выборочно перевел прежде малое... многое криво написал, а многое опустил; поэтому я, убогий Эптвимэ, по требованию святого отца моего Иованэ перевел это»*⁴¹. Если попытаться представить условия,

⁴¹ *Ibidem*, с. 200.

в которых готовились Эптвимиевы переводы, и, среди прочих перевод *«Лествицы»*, их качество, совершенство покажутся настоящим чудом.

Подобно греческому агиографу, и Гиорги Афонский не отрицает, что – до или после божественного явления – Эптвимэ был обучен обыкновенным земным способом. *«Увел из Царского сына своего Эптвимэ отец Иованэ и сперва грузинскому учению научил, потом по-гречески обучил всякой учености вполне»*⁴². Но для Гиорги это совершенно не исключает нужды в таинственном явлении. Предшествующая фраза, возможно, и объяснит, для чего, кроме общего наставления, было оно нужно и даже необходимо. Потому что в ней Гиорги случайно или сознательно противопоставил друг другу две ее части – *«научил грузинскому учению»* и *«по-гречески обучил всякой учености вполне»* – и выразительно представил разницу между тогдашним грузинским ученьем и полной греческой ученостью. Для того, чтобы, если не преодолеть, то хотя бы чувствительно уменьшить эту разницу силами одного человека, и нужна была та чудесная поддержка, которую получил Эптвимэ.

Ведь литературный язык – не какое-то отвлеченное, а вполне конкретное понятие. Это тот язык, который употребляется в произведениях литературы, который явил себя в книгах. Если так, то обстоятельство, что страна Картлийская испытывала недостаток в книгах и многих книг

⁴² *Житие ИЭ*. с. 134; «Символ», № 34, 1995, с. 369.

была лишена, означало бедность и недостаточность литературного языка. Можно сказать, что «с трудом говорил» не только Эптвимэ, но сама тогдашняя грузинская культура, грузинский язык. И под воздействием великолепной гостьи Эптвимэ не только сам научился открыто, свободно говорить, но и грузинский язык заставил говорить по-новому.

Пророчество Иоанэ-Зосимэ о судьбе и призвании грузинского языка, о его продолжительном сне и неожиданном, блистательном пробуждении, возможно, является не только прозрением далекого будущего, но и бросает свет на один характерный признак многовековой истории этого языка. В таком случае, всю историю грузинского языка мы можем представить как продолжительные, вековые отрезки неподвижного состояния, «сна» или «дремы», и периоды великолепных взлетов, «пробуждений». Первым пробуждением грузинского языка, о котором имеются сведения, нужно считать деятельность царя Фарнаваза⁴³, который, создал грузинскую азбуку и письменность, и – примечательный момент – впервые в грузинской истории дал преимущество грузинскому языку на грузинской земле. «Этот Фарнаваз, – сообщает древнейшая грузинская летопись, – распространил язык грузинский, и уже не говорили на другом языке в Картли, кроме грузинского. И он создал

⁴³ Царь Грузии (III в. до Р. Х.) Грузинская летопись *Картлис цховреба* именует Фарнаваза первым грузинским царем.

грузинскую книжность»⁴⁴. Но полное или почти полное отсутствие образцов этой книжности вынуждает признать, что азбука Фарнаваза несколько веков ожидала второго пробуждения грузинского языка, которое нужно связать с деятельностью святой Просветительницы Нино (начало IV в.), когда с принятием христианства как государственной религии был заложен фундамент грузинской литературы, созданы упомянутые Гиорги Афонским первые переводы Священного Писания, литургических текстов и житий, а затем и оригинальный шедевр Иакоба Цуртавели – *«Мученичество Шушаник»* (конец V в.). Затем, в продолжение нескольких столетий до *«Мученичества Або»* (VIII в.) и *«Жития Григола Хандзтели»* (X в.) грузинская словесность дремала, довольно медленно набирала силу, – иначе откуда было взяться шестьсот лет спустя после Нино *«большому недостатку в книгах»* в стране Картли. Если следовать предсказанию Иоанэ-Зосимэ, даже и сейчас – после Руставели, Орбелиани, Чавчавадзе и многих других выдающихся мастеров грузинской литературы, – грузинский язык спит и ожидает еще одного пробуждения.

Одним из таких пробуждений, которое положило начало блестящей эпохе в истории грузинского языка, нужно признать деятельность Эптвимэ. И – особое обстоятельство – это пробуждение на сей

⁴⁴ *Картлис цховреба (Жизнь Картли. Собрание грузинских летописей)*. Т. I. Тб., 1955, с. 26. На грузинск. яз.

раз произошло за пределами Грузии, в лоне другой нации, чужой культуры. К счастью, это была самая богатая в то время греческая культура, благодать которой щедро излилась на пробудившийся грузинский язык.

Эптимиев перевод «Лествицы» – настоящий праздник этого пробуждения, учебник родной речи – богатой, гибкой, изящной, точной, способной выразить всякое состояние и движение величайшего чуда на свете – человеческой души, описать доступные ей блистательные вершины и мрачные провалы, и дать место легкому юмору – естественному спутнику знания человеческой души и ее слабых сторон.

«Совершенное сие совершенных несовершенное совершено, когда придет к человеку... так освящает ум и исхищает его от мирских вещей, что... большую часть жизни своей... проводит он в гавани видения небесного».

«Лукавство есть удаление от правоты и разум обольщенный, обманом сплетенное слово и лживые клятвы, бездна коварства и злоречия, поучение хитрости и искусная ложь, враг покаяния и послушания и предвестник падения, противник смирения и утвержденная гордость, личина покаяния и удаление от плача, враг исповеди и любитель самомнения, противник бесстрастия и улыбка над поношением, сетование безрассудное и благоговение притворное, и житие бесовское».

«Надо всем щедро сияет солнце и во всяком

деле обретается тщеславие. Ибо когда пощусь, возносится разум мой; но когда разрешаю, дабы не стал известен пост мой, вновь из-за этого возносится разум мой, будто я мудр. Когда облачаюсь в добрые одежды, превозношусь, и когда облачаюсь в ветхие, опять же превозносится разум мой. Когда молчал, превозносился, когда разговаривал, был таковым же. Куда ни бросишь терновник этот вредный, всякий раз колючка его обретается сверху – на пронзение души».

«Радуется иудей о субботе и о празднике, а монах-чревоугодник – о субботе и о воскресении. За год вперед высчитывает Пасху и прежде срока приготовляет снеди»⁴⁵.

И этот язык – блестящий, ловкий, разнообразный, выразительный бил ключом не в пределах одной книги, одного произведения, а, если довериться доступным образцам и свидетельствам Иованэ и Гиорги Афонских, переходил из перевода в перевод, тек в виде десятков книг разного содержания, стиля и лексического состава. И если полтора века спустя, «истощение стиха» сделалось для Руставели невероятным и достойным насмешки делом, то начало подобного богатства, истоки бесконечной языковой реки поэмы Руставели и других крупных произведений той же эпохи на-

⁴⁵ *Лествица*, XXIX, 5; XXIV, 20; XXII, 5; XIV, 7. – *Календарь Грузинской Церкви*, 1986. Тб., 1986, сс. 455, 378, 363, 323. На грузинск. яз. Цитаты из Эптвимиева перевода *Лествицы* даны в нашем переводе – *прот. И.З.*

до, среди прочего, искать в творчестве Эптвимэ, который дал на сотнях страниц пример неисчерпаемого грузинского красноречия и к тому же первым на почве грузинской культуры показал, на что способна потенция одного-единственного человека.

Таким оказался отклик Эптвимэ на некогда воспринятый небесный призыв. Но это была лишь часть ответа, который подготовили его талант, размах и великодушие.

* * *

Неизвестно, когда именно в самозабвенной переводческой деятельности Эптвимэ появилось новое направление – переводы с грузинского на греческий. Гиорги Святогорец сообщает только, что плоды трудов Эптвимэ радуют *«дальних и ближних, и переведенных им книг сладость, как рог золотой сладкозвучный, трубит над всею странюю, не только Картлийской, но и Греческой, ибо «Балавари» и «Абукурай» и другие некоторые писания с грузинского перевел он на греческий»*⁴⁶. Гиорги кратко извещает об этом, возможно, оттого что это лишь малая часть трудов Эптвимэ, тогда как даже сведения о главном его литературном труде – грузинских переводах занимают в произведении Гиорги, как и в книге греческого автора, довольно скромное место, поскольку Гиорги писал все же не биографию литератора, но житие монаха-

⁴⁶ *Житие ИЭ*, с. 106; «Символ», № 34, 1995, с. 359.

подвижника, личное величие которого даже в представлении Гиорги, не заставшего его в живых, отодвигало в тень величие его труда.

Но этот момент, вскользь отмеченный Гиорги и полностью опущенный в произведении греческого агиографа, – один из значительных для истории нашей культуры, для характеристики духовной жизни нации. Тот же человек, который столько потрудился для обогащения переводами родной страны, в недрах самой родной культуры обнаружил произведения, достойные перевода и внимания остального мира. Видно, этот великий человек даже в той чрезвычайной ситуации, в которой он оказался волею судьбы, не утратил ощущения самобытности родной культуры, его ум не терялся при лицезрении необъятной греческой литературы и в напряженном процессе ее перевода на грузинский язык успевал думать и о том, чего же не хватает этому *«совершенному совершенству»* и чем мог бы обогатить эту богатейшую нацию, а с нею и весь христианский мир, бедный грузинский народ.

И правда, грузинская литература, хоть и небогатая количественно, располагала к тому времени несколькими шедеврами мирового уровня. Но, даже не будь они таковыми, повести о мученичестве Шушаники и Або, грандиозный документальный роман о преподобном Григоле Хандзтели и его сподвижниках, как и повествования о других грузинских героях могли бы обогатить христианский

мир новыми яркими примерами и, в то же время, прославить страну, где им довелось исполнить свое предназначение и долг. Но Эптвимэ, как видно, притягивала другая, более необычная, новая цель. Возможно, он чувствовал, что море, называемое греческой литературой, способно почти бесследно поглотить внешне скромные шедевры Цуртавели и Сабанидзе. Или и сам искал для своего таланта и силы большего поприща, большего простора, нежели какой могла ему дать, скажем, лишенная утонченности искренность «*Мученичества Эвстати*». Хотя, «*некоторые другие писания*», возможно, и представляли собой материал именно такого рода. Но главным его трудом из этого числа было по-настоящему оригинальное и качественно новое творение.

Как будто и это было житие – жизнеописание индийских (или эфиопских – в древности это название распространялось на обе страны) христианских подвижников царевича Иодасафа и его наставника мудреца Балавара. Но уже грузинские его названия – «*Балавариани*» (примерно, «*Сказание о Балаваре*») и, еще более, «*Мудрость Балавара*» указывают на то, что это произведение какого-то иного рода, что житие христианских святых переросло в непривычную, трудноопределимую литературную форму, в духовный роман, как часто называют это произведение, или, скажем, духовно-приключенческую повесть. Именно это необычное произведение стало основой того труда, который

в качестве ответного дара преподнес Эптвимэ своей второй родине и, как оказалось, всему миру христианства.

Когда и при каких обстоятельствах «*Мудрость Балавара*» появилась на грузинском языке или вообще на свет, по этому поводу существуют разные мнения⁴⁷. Во вступлении к «*Мудрости Балавара*», или грузинской краткой версии, сообщается: «*Рассказывал нам отец Исаак, сын Софрония Палестинского: „...Однажды я достиг [Еф]иопии и там в индийском книгохранилище нашел эту книгу”*»⁴⁸. А заголовок «*Балавариани*», или пространной версии, рекомендует ее как «*Житие*» индийского царевича Иодасафа, его отца Абенеса и его наставника, блаженного отца Балавара. Однако большинство ученых нашей эпохи утверждало и утверждает, что эта повесть является переделкой биографии основателя буддизма, переходившей от народа к народу, и соответственно менявшей и религиозное оформление. Существует и другое, сравнительно недавно родившееся соображение,

⁴⁷ Из известных рукописей *Балавариани* самая ранняя (переписана не позднее середины XI в.) хранится в Иерусалиме. Пространную и краткую версии вместе издал в 1957 году Илия Абуладзе. (Грузинская редакция *Балавариани*, с исследованием и словарем И. Абуладзе под редакцией А. Шанидзе. *Памятники древнегрузинского языка*).

⁴⁸ *Балавариани. Мудрость Балавара*. Пер. с грузинского Б. Абуладзе и И. Джавахишвили. Предисловие и ред. И. Абуладзе. Тб., 1962, с. 115. В приложении: *Мудрость Балавара*. Краткая грузинская редакция романа в переводе И. А. Джавахишвили.

что «*Балавариани*» возник как произведение фольклора в том азиатском ареале, где встречались друг с другом культуры разных типов, и с самого начала был общим достоянием многих народов и обществ с различными вероисповеданиями. Но вовсе не исключено, что данные грузинских версий отражают истинное положение дел и в основе повести лежит подлинная история. В пользу этого говорят несколько косвенных свидетельств, хотя бы вскользь отмеченное в повести обстоятельство, похожее на отблеск истинного события, что «*местность Шолайт*» – родина Балавара и Иодасафа была прежде христианской страной и лишь Абенес, отец Иодасафа, вновь возродил здесь язычество и стал гнать христиан. В расчет нужно принять и то, что имя Иодасафа в качестве святого, а значит, реального исторического лица было внесено в афонские грузинские литургические сборники при Эптимэ, или что то же, самим Эптимэ⁴⁹, и отсюда попало это имя позднее в соответствующие греческие тексты (впоследствии к нему присоединили имена Балавара и, кое-где, Абенеса).

Следовательно, или Эптимэ опирался при этом на неизвестную нам традицию, или сам восполнил то, что счел упущением, нужно думать, не единолично и самовольно, но после совета с

⁴⁹ Джгамая Ц. *Новый вариант песнопения об Иодасафе*. «Известия Института рукописей», III, 1961, сс. 47–50. На грузинск. языке.

другими. Под этими другими можно подразумевать не только афонских монахов, но и видных иерархов церкви, например, фессалоникийского архиепископа, или, по слову Гиорги Афонского, католикоса, с которым Эптвимэ связывали большая дружба и тесные взаимоотношения. С иной точки зрения, введение Балавара, Иодасафа и Абенеса в число святых предстанет довольно-таки легкомысленным деянием: придуманную историю никогда не существовавших лиц грузинские монахи приняли за действительную и поспешно внесли их имена в список святых, житие – в минеи, а наскоро составленные песнопения – в литургические сборники, и тем самым ввели в заблуждение весь христианский мир. О том, насколько это представление соответствует личности Эптвимэ, послушаем Гиорги Святогорца:

«Правило было у отца нашего, – пишет Гиорги, – что, если большое какое дело было, или царское, или судейское, в церкви побеседует с братьями. А если соборное что есть, братьев призовет, которые имеют в том деле познание – либо если кузнечное будет, либо строительное, либо виноградарское, – и с ними озаботится в отеческой <келье>... Ибо, хотя и во всяком деле знатоком был треблаженный отец наш Эптвимэ, но по великому смирению своему без спроса ничего не делал»⁵⁰.

И вновь: *«А более всего это тяготило святого отца нашего, если некие ложно либо о церкви,*

⁵⁰ *Житие ИЭ*, с. 156; «Символ», № 35, 1996, с. 285.

либо о брате каком-то слово некое скажут ему, и потому твердо засвидетельствовал, чтобы, если досконально не будут знать, вовсе пусть не дерзают докладывать»⁵¹.

Этому правилу, этой степенности и строгости, которым Эптвимэ следовал в каждодневных, более или менее мелких и преходящих делах, он без сомнения не изменил бы и в столь важном, ответственном, историческом деянии. Прибавим к этому личное двойное чутье Эптвимэ – возвышенного духовного деятеля и испытанного знатока духовной литературы, и с неизбежностью возникнет вывод, что в данном случае не только исключается более или менее сознательная фальсификация, но даже возможность ошибки становится трудно вообразимой, хотя, разумеется, такую возможность исключать нельзя.

И все-таки уже в грузинских вариантах «*Балавариани*» есть момент, оправдывающий, с одной стороны, свободное обращение Эптвимэ с этим источником. Это дух творчества и фантазии, который пронизывает повесть и придает однажды бывшему характер художественно обобщенного повествования. Фантастично, сказочно выглядит сам рассказанный случай – обращение царевича в христианскую веру, отказ от царства и удаление в пустыню для духовного подвижничества, хотя этот сюжет имеет немало исторически подтвержденных аналогий. Но яснее всего этот дух проявляется

⁵¹ *Ibidem*, с.157.

в многочисленных притчах, занимающих значительную часть повести. Был ли сам реальный прототип Балавара великим приточником – индийским Эзопом, что более вероятно, или притчи – добавления позднейших времен, – так или иначе, в основном благодаря им это житие выходит за привычные рамки биографии святого и становится новым явлением, книгой, «в которой писаны дела мира сего, весьма полезные для души», как определяют ее начальные строки самой повести. Именно в силу этого повесть оказалась способной расширить свои рамки и принять весь тот учительный материал, который вложили в нее ученость Эптвимэ и его просветительское рвение.

Если сравнить друг с другом как бы на двух памятных стелах выбитые два списка – перечисления переводов Эптвимэ и Гиорги Афонских, приведенные в их житиях, можно увидеть примечательную разницу между духовными устремлениями этих двух великих церковных деятелей, двух афонских переводчиков. Переводы Гиорги: *Великий Синаксарь* – «*основание Церквей*», *Избранное Евангелие годовое*, *Избранный Павел* (Павловы Послания) на год, *Великий Параклитик* (Октоих) – «*украшение Церквей*», *Триодь Постная и Цветная*, *Минея полная*, книги Отцов Церкви и другие, подобные им, свидетельствуют об интеллектуальном аскетизме, сравнительно узко, почти в рамках церковного богослужения, понимаемом христианстве, которое было

свойственно этому, еще во чреве матери предназначенному для Бога, с семи лет монаху, ученику жившего «*в расселине скалы*» Гиорги Отшельника⁵².

Эптвимэ тоже никогда не выходил за пределы чисто духовной сферы, но многочисленные поучения и толкования, хождения, жития и мученичества, атлас страстей и добродетелей человека – «*Лествица*» Иоанна Синаита, высшие достижения средневековой мистики – прозрения Макария Египетского и Исаака Сирина свидетельствуют о многообразии интересов жителя двух царских дворов, приближенного императоров и архипастырей. Кто познакомится с жизнью и личностью Эптвимэ, тот не станет, подобно некоторым зарубежным исследователям, принимать с сомнением сообщение Гиорги Афонского, что греческая версия «*Балавариани*» принадлежит Эптвимэ, не станет уже искать на эту роль другое, заслуживающее большего доверия, лицо. Именно греческая ученость Эптвимэ сливается с индо-грузинской мудростью Балавара, из уст которого вместе с притчами изливаются бесчисленные сведения и суждения о сущности и истории христианства.

Современный читатель, сравнивая грузинский и греческий тексты, возможно, упрекнет Эптвимэ в том, что он слишком перегрузил повесть такого ро-

⁵² Гиорги (Георгий) Отшельник (Молчальник), преподобный († после 1066 г., память 3/16 июля) – подвижник монастыря св. Симеона на Дивной Горе.

да материалом и позволил ему частично размыть ясные и четкие очертания этого литературного шедевра, ослабил его внутреннюю энергию, притупил горение аскетического духа, огонь вражды к миру сему, который пылает в грузинском «*Балавариани*». Илия Абуладзе писал, например: «*В греческом тексте многословию и обилию цитат из Библии и богословских произведений, как это свойственно метафразе, приносится в жертву простота изложения и художественность, характерные для грузинской пространной редакции*»⁵³.

Но всякий, кто склонен к подобной критике, должен учитывать одно обстоятельство – уникальную популярность, которая выпала на долю именного Эптвимиева варианта повести.

В ближайшее время после его создания началась цепная реакция, в результате которой творение Эптвимэ оказалось переведенным на десятки языков, начиная с латинского, причем на некоторые из них – дважды и трижды, и сила этой реакции не иссякла до сих пор, поскольку до последнего времени появляются новые переводы. А в период позднего Средневековья это была одна из самых читаемых книг в странах Европы. Она вызвала к жизни несчетные переделки и перепевы в прозе и поэзии, ее героев и сюжеты писали на стенах церквей и монастырей, их имена, переделанные или исправленные самим Эптвимэ на Варлаама и Иосафа, носили патриархи и простые

⁵³ *Балавариани. Мудрость Балавара*. Тб., 1962, с. XXX.

монахи. Позднее, мотивы и полностью сюжет «*Балавариани*» использовали в Англии Шекспир⁵⁴, в Испании Лопе де Вега⁵⁵ и Кальдерон⁵⁶. Так заочно попал Эптвимэ в ту «*Спанию*», куда чуть было не увез его отец, слышавший, что «*грузин немалые роды и племена укоренены там*».

Предполагают, что в Киевскую Русь эту книгу привез основатель Киево-Печерской Лавры святой Антоний, который принял постриг на Афоне около 1050 года. По предположению священномученика Католикоса-Патриарха Кириона, возможно, в Иверской Лавре⁵⁷. Антоний получил на Афоне не только посвящение, но и благословение на устройство монашеской жизни у себя на родине. Такое же благословение строить свой национальный монастырь в свое время получили от Афанасия Афонского основатели Иверского монастыря, а потом сделали похожее предложение итальянскому старцу Леону. Эта параллель еще один довод в

⁵⁴ *Венецианский купец*.

⁵⁵ *Варлаам и Иоасаф*.

⁵⁶ *Жизнь есть сон*.

⁵⁷ В своей насыщенной историческими сведениями книге *Культурная роль Иверии в истории Руси* (1909) епископ Кирион, будущий Католикос-Патриарх Кирион II, пишет: «... Мы имеем основание предположить, что монастырь, в котором любечский уроженец Антипа получил посвящение, был, без всякого сомнения, благоустроеннейший и гостеприимный Иверский (грузинский) монастырь, блиставший в это время на Афоне святою жизнью своих насельников и религиозно-богословским просвещением», сс. 57, 58.

пользу версии святителя Кириона.

На протяжении целого большого периода это произведение под именем «*Книги Варлам. Изображение душеполезное*» по распространенности было на третьем месте, после *Евангелия* и *Псалтири*⁵⁸. Уже ближайший ученик святого Антония не только носит имя Варлаама, но и в некоторых запоминающихся моментах – благородное происхождение, сильное сопротивление отца и попытка с помощью красивой женщины увести с пути монашества, затем постриг самого отца – повторяет историю царевича Иодасафа. И сам Антоний Печерский встречает пришедшего к нему юношу, будущего игумена Варлаама, теми же словами, какими Балавар встретил желание Иодасафа последовать за ним в пустыню⁵⁹. Тот же рисунок – яростное сопротивление знатных родителей, тот же способ соблазнения находим в биографии великого богослова XIII века, католического святого и Учителя (Доктора) Церкви Фомы Аквинского.

Что это, простые совпадения, повторения «бесмертной ситуации», лишь подтверждающие

⁵⁸ *Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы*. Подготовка текста, исследование и комментарий И. Н. Лебедевой. Л-д, «Наука», 1985, сс. 34–35.

⁵⁹ «*Берегись, как бы отец твой, пришедши сюда с вооруженною силою, не вывел бы тебя отсюда, хотя бы ты этого и не желал: ведь мы ничем тебе помочь не можем*». *Жития святых свят. Димитрия Ростовского*. Кн. 3-я, 19 ноября. М., 1905, с. 547; в этот же день поминаются и индийские подвижники.

правдивость старой повести, или, вместе с тем, и свидетельство того особого места, которое герои и ситуации книги занимали в сознании широких читательских кругов? Но влияние детища Эптвимэ на сознание и культуру европейских народов, возможно, не ограничилось подобного рода блестящими, но более или менее поверхностными моментами, и носило более глубокий, качественный, существенный характер. Кто может определить, какую роль в становлении «европейского духа» сыграла эта широко распространенная книга с уникальным, в грузинском «*Балавариани*» уже намеченным, но развитым и расширенным Эптвимэ синтезом, в котором не борются друг с другом, но гармонически сливаются святость и ученость, мудрость и искренняя чувствительность, премирные возвышенные стремления и трогательные земные перипетии.

Широкая популярность повести и ее героев свидетельствует о том, что Эптвимэ как сочинитель руководствовался той же замечательной интуицией, что вела его во время работы над переводами. Более того, возможно, «*Мудрость Балавара*» смогла приобрести столь обширную новую аудиторию именно благодаря тем изменениям, которые были внесены в нее рукою Эптвимэ. Грузинские варианты повести, как отмечалось, отличаются жестким и энергичным аскетическим духом. Не является ли это еще одним свидетельством в пользу реальности ее героев? Не от них ли – крайних ас-

кетов и мироненавистников – идет это настроение, которое вряд ли мог привнести в повесть досужий рассказчик со стороны? Если бы Эптвимэ просто перевел повесть и, следовательно, сохранил неизменным подобный настрой, вряд ли она смогла бы завоевать столь широкого читателя. Тот строгий идеал, который увлекал героев повести, во времена Эптвимэ уже не мог стать общим достоянием широких масс христиан в различных странах. Эптвимэ и сам был самоотверженным аскетом, что специально отмечено Гиорги Афонским, который пишет, что свой переводческий труд Эптвимэ выполнил, несмотря на то, что в это самое время *«он усиленно совершал свое правило (ежедневный набор аскетических действий), большое и трудное»*. Но он жил в другую эпоху, в другой атмосфере и был человеком совсем другого призвания, нежели герои повести. Он, столь самоотверженно и плодотворно потрудившийся для мира сего, для людей, для родины, не мог удовлетвориться ярким, но однообразным горением аскетического чувства, впечатляюще максималистским, но узким взглядом на мир, как всего лишь на поле действия разнообразных соблазнов, где лишь по недостатку ума или под давлением обстоятельств может оставаться человек. Нет, взгляд Эптвимэ более примирительный. Мир открывается ему в своей двойственности – как опасность, но и как возможность для приложения своих сил, для *«стяжания ея добрых дел»*, как выражается он

в толковании известной евангельской притчи о мудрых и неразумных девах. Христианство для него не односложный клич к бегству от мира, а богатая и многоцветная культура, которая включает и личную аскезу, и служение ближнему, высшие откровения и человеческую мудрость. Но, в первую очередь, христианство для Эптвимэ это благодатный объект для познания, исследования и толкования. И подобно тому, что учение Христа в передаче Эптвимэ – это не религия для одних только аскетов, так и история переименованных им Варлаама и Иоасафа превращается в чтение для всех, своего рода настольную книгу для всякого христианина. Изменение строго аскетической направленности древней повести, ее ослабление произошло как бы само собой, незаметно для самого Эптвимэ, как неизбежное следствие его личной настроенности и расширения повести за счет суждений и пояснений, лишенных специфически аскетического содержания. Но эта перемена была также одним из знамений времени.

В истории христианских народов наступил переломный момент, заканчивалась тысяча лет устремленного только к небу христианства, тысяча лет бегства от всего земного, и начинался другой срок – тысячелетие покорения и познания мира и создания выросшей на христианской почве единой мировой цивилизации.

Личность автора греческой повести в течение времени была предана забвению, лишь отдельные

рукописи содержали его, иногда измененное, имя (например, в одной из латинских рукописей: Eufinius, sanctus vir – Эвфиний, святой муж). Часто повесть приписывали Иоанну Дамаскину, это мнение до сих пор разделяют некоторые ученые, и первые сообщения о возможном авторстве Эптвимэ Иверского были встречены с недоверием. Лишь в последнее время усилиями негрузинских и грузинских картвелологов авторство Эптвимэ стало более или менее признанным фактом среди ученых. Но анонимно или под чужим именем, слившись со своим творением, Эптвимэ жил в умах тысяч читателей во многих странах мира на протяжении веков.

Повесть о Балаваре и Иодасафе прошла долгий и сложный, кое-где покрытый тайной, путь через многие страны и языки, стала неповторимым плодом творчества множества народов, и не только христианских, действенным средством скрытого единения человечества в то время, когда оно оставалось еще смутной, позабытой и недостижимой идеей. И был на историческом пути этой повести некий узловый момент, в результате чего мудрость Балавара покорила целый новый континент и соединила Восток с Западом, – момент создания ее греческого варианта. И было великой милостью судьбы к бедному и смиренному народу, достойно оценить которую, наверно, и невозможно, что этот вариант был создан на основе грузинского текста в грузинском монастыре монахом-грузином.

Если в исторических явлениях, как и в природе, существуют закономерности, и то или иное дело провидение не доверяет любому случайному лицу, но избирает соответствующую этому делу личность, можно представить, а вернее, трудно представить, какого духа, какого сердца был человек, сотворивший это замечательное дело.

Такова была вторая половина ответа, данного Эптимэ на призыв свободно говорить по-грузински. Мысль, что греческая версия *«Балавариани»* явилась непосредственным продолжением грузинских переводов Эптимэ, и, значит, так же подразумевалась и охватывалась принятой им заповедью, как и выстроившиеся в бесконечном списке грузинские переводы, возможно, покажется сомнительной. Но бесспорно, что *«Повесть о Варлааме (или Барлааме) и Иоасафе (иногда – Иоасафате)»*, т. е. греческая версия *«Балавариани»*, непосредственно и тесно связана с грузинскими переводами Эптимэ, она произросла на почве, удобренной этой самозабвенной деятельностью, явилась ее почти обязательным и неизбежным следствием, тем выбросом, который вызвало накопленное в переводах несчетных книг знание.

Знаменательно, как соединились эти две стороны творчества Эптимэ в сознании Гиорги Святогорца, который пишет, что Эптимэ *«просветил язык грузин и страну»*, плод труда его радует *«дальних и ближних, и переведенных им книг сладость... трубит над всею страной, не только*

Картлийской, но и Греческой, ибо «Балавари»... с грузинского перевел он на греческий»⁶⁰. Так же думал, без сомнения, и сам Эптвимэ, иначе этот великий подвижник, проявлявший в то же время детскую готовность к послушанию даже в том деле, величайшим мастером которого считался, и приступавший к переводу той или иной книги не по «самолюбию», а «по требованию святого отца моего Иованэ»⁶¹, не взвалил бы на себя столь значительный труд, если бы не связал его с принятой заповедью и отцовским заветом – обогатить Картлийскую страну. И правда, разве не ясно, что греческое произведение Эптвимэ, которое прочитал целый свет, обогащает и его соотечественников и придает дополнительное измерение их бытию и национальному сознанию.

Но, может быть, стоит все-таки бросить Эптвимэ упрек, который не высказали ему ни собственная совесть, ни Гиорги Афонский, хотя этот последний отличался образцовой трезвостью и вымеренностью национального чувства, – тот упрек, что, когда еще никто и представить не мог, какой большой успех ожидает предпринятое новое дело, он дерзновенно расширил содержание полученной им заповеди и, вместо еще одного грузинского перевода, взялся за греческую повесть.

Евангелие утверждает: «От избытка сердца

⁶⁰ *Житие ИЭ*, с. 106; «Символ», № 34, 1995, с. 359.

⁶¹ Предисловие к переводу *Лествицы*.

говорят уста» [Мф 12, 34]. Что касается самого Эптвимэ, это условие было соблюдено. Поистине, от избытка его знаний родился этот источник познания – греческий «*Балавариани*». Но обязанность, которую возложили на Эптвимэ сначала небесная гостя, а затем отец и куропалат Давид, не оставляли ему права думать о собственном избытке. К тому же, основу для своей повести он отыскал на грузинской почве, в грузинской литературе. А она далека была тогда от избыточествования. Так, не справедливее ли и разумнее было бы, не выразило ли бы яснее грузинский дух Эптвимэ и его любовь к родине, если бы он не оставил на время заботу о непосредственных нуждах родной страны и, вместо греческого, а вернее, космополитического произведения, о грузинском происхождении которого ничего не знало большинство читателей и теперь не желают знать многие исследователи, создал бы еще несколько грузинских переводов для духовной пользы благодарных соотечественников?

Но разве подобного упрека заслуживает только Эптвимэ?

Когда Петр Ивер, епископ Маиумский, в далекой Палестине философствовал и богословствовал на сирийском или греческом языках (не имеются в виду непременно «*Ареопагитики*») и назидал тамошних монахов, неужели он делился с другим народом избытком грузинского богословия и философии V века или монастырской жизни тогдашней Грузии? Кто сочтет такого рода

примеры, и не только в духовной сфере. В конце XV века грузинский царь Константин⁶² предлагает военный союз победоносной испанской государыне Изабелле, и в качестве первой цели называет не восстановление только что распавшегося грузинского государства, как можно было бы ожидать, а освобождение за полвека до того павшего Константинополя. Подобные факты, иногда более, иногда менее выразительные, проходят через всю летопись национальной жизни, и, видно, имеют корни в глубине души грузинских деятелей, во «внутреннейшей» ее сфере. Поэтому напрасны жалобы на то, почему так часто путали наши великие и малые соотечественники свою и чужую заботу, почему – даже тогда, когда не забывали о своей принадлежности к грузинской нации – они писали на чужом языке, шли во главе чужих войск, включались в чужие государственные и общественные дела, вообще, почему делали с душой чужое дело. Можно лишь сожалеть о том, что не во всех таких лицах находим мы столь же гармоничное соединение своей и чужой заботы, как в личности и делах Эптвимэ.

Как видно, потенция грузинского духа выходит далеко за мыслимые пределы грузинства. Как будто никто не призывал этот народ, подобно большим

⁶² Константин II – царь сначала единой Грузии (1466–1478), затем, после разделения единого грузинского царства, царь одной из грузинских областей – Картли (1478–1505). См.: Ив. Джавахишвили. *История грузинского народа*. Т. III, Тб., 1966, сс. 452–453. На грузинск. яз.

нациям, на общечеловеческое поприще. Напротив, обстоятельства, носившие объективный и, на первый взгляд, роковой характер: малочисленность, географическое положение, сильное и агрессивное окружение, – складывались таким образом, что предки нынешних грузин глубоко должны были погрузиться в проблемы почти всегда бедствующей родины или даже родного уголка – Тао или Имерети, Кахети или Картли. Но милостью иных обстоятельств, как будто субъективного или случайного характера, в том числе, и означенного свойства грузинских деятелей, провинциальный дух «не объял» сознание нашего соотечественника. В любые, даже крайне тяжелые и темные времена не была лишена Грузия людей, к которым подошли бы слова Католикоса-Патриарха Арсени Булмаисимидзе, обращенные к Просветительнице Грузии в написанном им 1-ой половине XIII века «Каноне святой равноапостольной Нино»:

«Как орел, в зенице видения своего собрала ты пространство мира», – Руставели⁶³, Летописец⁶⁴,

⁶³ Шота Руставели (XII–XIII вв.) – поэт, автор одного из самых выдающихся творений мировой литературы – романа в стихах *Вепхисткаосани* (*Витязь в барсовой (тигровой) шкуре*), действие которого разворачивается на пространстве почти всего Востока, включая Китай и Индию.

⁶⁴ Так именуют выдающегося исторического писателя XIV в., произведение которого входит в корпус летописей *Картлис цховреба* (*Жизнь Картли*). Труд его характеризуется замечательной широтой кругозора и беспристрастным и любознательным отношением даже к монгольским завоевателям.

Орбелиани⁶⁵, тот же царь Константинэ.

О том, что создание греческого «*Балавариани*» не было явлением, выходящим за «*грузинские пределы*», свидетельствует отражение завидной судьбы этого творения в поэме Руставели, которую Грузия всегда признавала наиболее адекватным проявлением грузинского духа. Что знал Руставели о большой истории этой повести, о том или ином отрезке ее бесконечного пути? С уверенностью можно говорить лишь, что он знал о переводе Эптвимэ и, может быть, был знаком с самим переводом. Возможно, он слышал о существовании вариантов повести в странах Востока, возможно, имел сведения о переводе греческого «*Балавариани*» на латынь. Так или иначе, когда он берется за «*Витязя в барсовой шкуре*», Руставели первым делом придумывает для него предысторию, очень похожую на историю Эптвимиева детища:

Эта повесть, из Ирана занесенная давно,

По рукам людей катилась, как

жемчужное зерно.

Спеть ее грузинским складом

было мне лишь суждено⁶⁶.

⁶⁵ Орбелиани, Сулхан, князь (в монашестве Саба, Савва, † 1725) – выдающийся государственный и церковный деятель, писатель, оратор, автор *Путешествия в Европу*, где с интересом описаны святыни Италии. Как и многие его соотечественники и современники, Орбелиани игнорировал церковный раскол между Западом и Востоком.

⁶⁶ Пер. Н. Заболоцкого; в оригинале последняя строчка сооб-

Сознательно или по не вполне осознанному вдохновению, Руставели воображает, имитирует для своего творения судьбу «*Балавариани*» – этой поистине по рукам катящейся повести. На самом-то деле, «*Витязь*» полностью является созданием сердца и разума грузинского поэта. Но какая-то сила принуждает Руставели раздать права на свою поэму. Сколько народов приглашено получать эти права! Повесть иранская, да еще переходившая из рук в руки, то есть, из народа в народ; герои – арабы, индийцы, хорезмийцы, китайцы и представители многих еще народов; поле действия – практически весь Восток, а фон – вся вселенная; стих – грузинский; философские и поэтические источники, только прямо названные, – древнегреческие, византийские, еврейские, персидские, арабские, грузинские.

Так кому же принадлежит эта поэма? Грузии, но, по достаточно ясно выраженной воле ее автора, и всему миру. Грузины, возможно, никогда не постигали до конца, сколь космополитично одно из их главнейших национальных сокровищ и сколь глубоко сама идея космополитичности укоренена в их истории и культуре.

* * *

Скоро обозначившееся двойное предназначение грузинской обители на Афоне – служить Гру-

щает: «*Я нашел ее (повесть) и пересказал стихами*».

зии, но, в то же время, быть открытой для всего остального мира и тесно, хотя зачастую скрытыми от поверхностного взгляда путями, связывать бытие грузинского народа с жизнью человечества и отдельных наций, что столь блестяще проявилось в творчестве Эптвимэ, нашло подтверждение не в одном эпизоде.

Один из таких впечатляющих эпизодов связан с главной и самой известной святыней Иверской Лавры – иконой Богоматери. Странно, что об этой иконе ничего не говорит автор греческого жития, а Гиорги Афонский упоминает только раз, да и то вскользь. Подробно перечисляя принятые в монастыре правила, Гиорги говорит: *«Когда входили в церковь, сперва отец Эптвимэ и потом братья вся, пока на колени не встанут и не поклонятся Святой Богородице, которая на Вратах, – не входили»*⁶⁷. Это немногословие тем удивительно, что *«Святая Богородица, которая на Вратах»*, не только представляет собой одну из самых больших святынь Иверского монастыря и всего Афона, но и стала достоянием Афона при жизни героев Гиорги и греческого автора – Иованэ и Эптвимэ. Несомненно, что во время тяжелой болезни Эптвимэ именно перед ней *«пал»* Иованэ и *«со слезой горячей умолял Непорочную Приснодеву Богородицу, чтобы заступницей была ему и дала облегчение»*. Подобно некоторым известным иконам Богоматери, и эту икону предание приписывает кисти апостола и

⁶⁷ *Житие ИЭ*, с. 151. «Символ», № 35, 1996, с. 282.

первого иконописца евангелиста Луки⁶⁸.

Согласно тому же преданию, в IX веке икона едва не погибла от руки иконоборцев, и с тех пор на правой щеке Богоматери остался след от удара копья и вытекшей крови. В конце X века на Светлой седмице икона появилась в море вблизи афонского побережья в столпе света. Афонские монахи не смогли завладеть ею, пока Богоматерь не объявила им во сне, что только Габриэл, монах-грузин из Ивилона, достоин принять Ее икону. Этого Габриэла несколько раз упоминает Гиорги Святогорец в жизнеописании основателей Иверской Лавры. Во вторник Светлой седмицы Габриэл, продолжает сказание, прошел по морю не замочив ног и вынес икону на берег. Ее поместили в Иверском монастыре, но на следующий день обнаружили ее на вратах обители. Там она и осталась – в специально построенной малой церкви, и с тех пор получила наименование – Вратарницы иверийцев, а еще Иверской Богородицы, или Иверской иконы. В настоящее время икона помещается в храме-часовне сразу за вратами.

Очень скоро сфера ее влияния намного переросла ту, что очертило для нее наименование. Общая слава Ивилона и его иконы вышла далеко за пределы афонских берегов. С тех пор, на протяжении веков не прерывалась череда просителей, от простых верующих до царей и императоров, лично или

⁶⁸ По характеру письма Иверская икона действительно напоминает изображения I-го и близких к нему веков.

– гораздо чаще – заочно обращавшихся к иконе Иверского монастыря за помощью, и сложившаяся вокруг нее легенда пополнилась новыми чудесами.

В этом отношении Иверская икона не представляет собой какого-то исключения среди знаменитых икон Богоматери, хранящихся в различных обителях Афона, или, скажем, рядом с известным, как нерукотворный, образом святого Георгия – главным сокровищем афонского болгарского монастыря Зограф. И их списки, подобно списку с Иверской иконы, расходились постепенно в православных странах и народах, как, например, список с афонского образа Богородицы, именуемого *«Достойно есть»*, украшающий тбилисский Сиони – кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы.

Все же судьба иконы Богоматери Иверской в некоторых случаях была особенной и неповторимой, как, например, история ее списка в России или так называемой Монреальской Иверской в Северной Америке уже в XX веке.

Первый список был принесен в Москву в 1648 году по инициативе влиятельного церковного деятеля, будущего Патриарха Московского и всея Руси (1652–1666), архимандрита Никона, которого поддерживал и царь Алексей. Возможно, еще и поэтому, встреча, устроенная иконе на русской земле, носила в своем роде исключительный характер даже в условиях старой Руси, где одновременно восторженное и церемонное отношение

к иконам, особенно, к иконам Богоматери, являлось одной из приметных сторон быта. Ее торжественно встретили и поместили в Успенском соборе Московского Кремля рядом с Владимирской иконой Божьей Матери.

Позднее Патриарх Никон предпринял на одном из островов озера Валдай строительство во имя этой иконы монастыря, который был сооружен по плану афонского Ивилона и назван Валдайским Иверским. Для него на Афоне был заказан и в 1655 году привезен еще один список чтимой иконы⁶⁹. За этим последовало основание в разных краях России еще нескольких Иверских монастырей. И хотя Иверская Богоматерь завоевала прочное место среди важнейших святынь русского народа и

⁶⁹ *«Приемшу же ему Патриаршеский престол, по своему обещанию нача у Великаго Государя милости просити о Валдайском езере, воеже бы ему тамо устроить монастырь во имя Пресвятыя Богородицы, глаголемыя Иверския... Во оной новоустрояемой обители прежив и потребная вся устроив, в царствующий град возвратися, и немедленно посла во святую Афонскую Гору, ради переписания Чудотворнаго Образа Пресвятыя Богородицы Иверския, и принесена бысть в царствующий град Москву, списанней убо той сущей и точно подобней. Святейший же Патриарх зело возрадовася, яко благоволи Бог изображения своего и матерняго зрака видети чудотворную икону. Святейший же Патриарх Никон оную святую и Чудотворную икону Пречистыя Богородицы Иверския всю златом истинным и камением драгоценным всю украсив, 44 тысяци рублев драгость имущую, кроме благодати осеняющей от нея, ея же благодати никто же может соравнити, безценное бо наше сокровище». Житие Святейшего Патриарха Никона* , СПб, 1784, с. 42.

почти триста лет «охраняла» подступы к Красной площади, все-таки ее предназначение, видно, отличалось от того, какое было у прославленных ранее здешних икон.

Небольшой храм, где она помещалась, (снесенный в 1923 году большевиками-богоборцами и возобновленный в 1996 году), был открыт круглые сутки и всегда был заполнен молящимися. Часовня упоминается в произведениях Льва Толстого, Ивана Бунина, Ивана Шмелёва, Герберта Уэллса и многих других. Марина Цветаева ясно выразила всеобщее отношение к ней:

*А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, —
Там Иверское сердце
Червонное горит.*

Знаменитый путешественник маркиз Астольф де Кюстин в своей книге о посещении России в 1839 году отмечает факт особого почитания Иверской Божьей Матери, в том числе и неправославными, в частности, католиками-итальянцами, утверждавшими, что «*эта Мадонна творит истинные чудеса*».

Прибывшая в Москву Иверская, в отличие от местных больших икон, была не оригиналом, а копией, как подчеркивалось, точным повторением хранящегося на Афоне образа, и благодаря связи с оригиналом и чужеземному имени так же соединя-

ла мысль сознательного поклонника с внешним миром, как и включенное в текст грузинского богослужения греческие кириелейсон. Песнопения, вошедшие в службу Иверской Богоматери, представляют посвященный иконе праздник, как совместное афонское, грузинское и русское торжество:

«Пойте, иноки Афона, благословляй, Иверская, превозноси, вся страна Российская, благу Владычицу, реки чудес источающую от Своя чудотворныя иконы».

Еще более примечателен посвященный иконе акафист, написанный в 1861 году⁷⁰. Здесь уже звучат явные грузинофильские мотивы. Используя достаточно ясно обозначенный повествовательный характер акафистного жанра, русский автор дает своему слушателю или читателю очерк мистичес-

⁷⁰ Об этом акафисте есть сведения в книге Алексея Васильевича Попова, проф. Казанской духовной академии (Казань, 1903, первое издание): «7 марта 1861 года в Санкт-Петербургский духовно-цензурный комитет поступило прошение статского советника Николая Васильевича Елагина, в котором он писал, что по поручению архимандрита Валдайского Иверского монастыря он представляет на рассмотрение комитета службу с акафистом Пресвятой Богородице в честь явления чудотворной Ее иконы Иверской. <...> 10/21 мая 1861 года Святейший Синод <...> разрешил службу и акафист к печати». (Попов А. В. Православные русские акафисты. М., Из-во Московской патриархии, 2013, с. 192). Протоиерей, доктор Федор Людоговский, предоставивший нам эти сведения, предполагает, что Николай Елагин и является автором акафиста, хотя это прямо не следует из текста Попова.

кой истории Иверии-Грузии, как собственности Богородицы.

В его представлении основание Иверской Лавры является продолжением и своего рода увенчанием той заботы, истоки которой восходят к первому веку христианства, когда Богородице в качестве апостольского жребия досталась Иверская страна. Богоматерь не только лично избирает на Афоне, своей второй собственности, место для грузинского монастыря, но и непосредственно участвует в его жизни, дает силы и способности здешним подвижникам. Когда поэт восклицает: *«Радуйся, Евфимия златословесныя уста; радуйся, Торникия непобедимая крепосте»*, – он обращается не к безличному таланту и силе, но непосредственно к Богородице: это сама Пресвятая является движущей силой и интеллектуального и воинского подвига того и другого деятеля. К грузинской теме присоединяется и сливается с ней общеафонская, а затем, когда автор говорит о переносе списка иконы в Россию, и русские мотивы. Родина автора, как, впрочем, много христианских стран, согласно местным представлениям, и сама была объектом любви и исключительного внимания Девы Марии. Поэтому выдвигание на первый план Грузии и грузин и уступка им столь большого места в акафисте свидетельствует не только об альтруизме автора, но и о некотором увлечении Грузией.

Авторы службы и акафиста создают образ большого многонационального христианского братст-

ва, объединившегося вокруг чудотворной иконы и просвечивающего сквозь нее первообраза. Картина, развертывающаяся перед читателем, возвышенна и идилична. Происшествия, время от времени нарушающие царящий мир, например, нападение «злочестивого амира» (эмира) и попытка разграбления монастыря, по вмешательству Богородицы получают столь же идилическое разрешение, и эмир, вместо разграбления, смиренно подносит серебро и золото Иверской обители.

* * *

Для автора, жившего восемью столетиями позже первых афонцев и глядевшего на Святую Гору из российской дали, как видно, осталась неизвестной та драма, которая разыгралась за стенами великолепного монастыря.

Ему неизвестна была и еще одна сторона взаимоотношений Той, Которая изображена на Иверской иконе, со страной и народом, имя которых икона носила.

Афонское предание гласит, что в последние дни Иверская икона покинет Афон и будет перенесена или перенесется в Грузию. Свидетельством или, быть может, источником этого предания являются тексты, вошедшие в книгу *«Посмертные вещания преподобного Нила Мироточивого Афонского»*, где собраны поучения и пророчества, произнесенные между 1813 и 1819 годами. Вещания, по сви-

детельству издателя, ходившие до того в греческих списках, были переведены и изданы на русском языке в 1912 году. И хотя происхождение текстов книги покрыто некоторым туманом, пророческое ее достоинство являют самое меньшее два сбывшихся события, предсказанные в ней и имевшие политические и духовные последствия всемирного значения – революция 1917 года, обозначенная как крайнее оскудение монашества (*«когда минут четыре двадцатипятилетия, то какова станет тогда монашеская жизнь?»*), и распад СССР на рубеже 1991–1992 годов, описанный, как начало всеобщей смуты (*«если же пройдут и еще три двадцатипятилетия,.. какое смущение произойдет?!»*)⁷¹.

Одно из пророчеств этой книги сообщает о том, что знаменем приближающегося конца мира будет, среди прочего, удаление с Афона Иверской иконы, что будет обозначать оставление Афона самой Пресвятой Богородицей, покровительницей Святой Горы. Преп. Нил именует Божью Матерь Царицей спасения, а Иверскую икону ликом Царицы спасения, и описывает катастрофические события, которые постигнут оставленный Божьей Матерью и Ее ликом Афон. В самих пророчествах преп. Нила не содержится указания, куда именно удалится лик Царицы Спасения, но все чаще и тверже звучит на Афоне мнение, что это будет

⁷¹ *Посмертные вещания преподобного Нила Мироточивого Афонского, Афон, 1912.*

Иверия-Грузия. И таким образом, перед концом этого времени и началом нового Иверская икона соединится с тем народом, имя которого она носит и с представителями которого ее насильственно разлучили.

* * *

Идиллия Иверской Лавры продолжалась недолго. Обстоятельства, с самого начала несшие угрозу национальному лицу монастыря, – отдаленность Грузии, греческое окружение, обширность монастыря – с течением времени все тяжелее сказывались на его судьбе. Уже при Эптвимэ «умножилось племя греческое в Лавре этой»⁷², а когда Эптвимэ отказался от игуменства и поставил вместо себя Гиорги Строителя, этот процесс стал развиваться более быстрыми темпами. Трезвый взгляд Гиорги Афонского видит и отмечает в скоро возникших в Ивироне затруднениях, кроме объективных предпосылок, и субъективные причины, собственную вину грузин, что, впрочем, справедливо и в отношении других бедствий и лишений грузинского народа.

Опасному умножению греков в Иверской Лавре способствовало, с одной стороны, непостоянство насельников-грузин, легко оставлявших место и переходивших куда-нибудь еще, в чем их упрекает Гиорги Афонский, а с другой стороны, пове-

⁷² *Житие ИЭ*, с.181; «Символ», № 35, с. 296.

дение игумена Гиорги, который по причине этого недостатка соотечественников, *«грузин, как бросовых каких-то и никчемных, презрел и умалил», а «греков чрезвычайно что-то возлюбил»*⁷³.

Гиорги Афонский, впрочем, уверяет, что настоятель поступал так не из ненависти к грузинам, поскольку всегда тепло и с особым почетом встречал пришедших к нему соотечественников. Но игумен был увлечен строительством – возведением собора и хозяйственными проблемами большого монастыря и искал подходящих сотрудников и рабочих без различия их национальности. Так к беззаботности части монахов-грузин и их неумению оценить дар, который оставили им судьба и первые афонцы, прибавилось забвение игуменом того, что доверенный ему монастырь был не обычной обителью, но национальным очагом грузин, местом, устроенным для их *«отдохновения»* и *«назидания»*.

Эта беззаботность дорого обошлась грузинским насельникам Иверского монастыря, когда, после ссылки игумена Гиорги по политическим причинам, они обнаружили, что более не владеют монастырем, который был назван их именем.

С этого времени начинается исполненная драматизма борьба грузин за владение монастырем, который построили их предки, затем, в более отдаленном будущем, за простую возможность жить и молиться в нем. Все способы борьбы – моральное

⁷³ *Житие ИЭ*, с. 178; «Символ», № 35, 1996, с. 294.

и физическое мужество, даже героизм, дипломатия, ученые разыскания для доказательства прав грузин, – все было использовано, с переменным и, в ходе времени, все меньшим успехом. *«А как отец Гиорги в изгнании преставился, – пишет Гиорги Афонский от имени своих предшественников в деле защиты прав грузин на Ивирон, – ...время улучили греки и, как огни, возгорелись на нас, и полностью искоренить нас пожелали и захватить наследие наше.... И по этой причине в великой были мы беде, и презренные, и ненавистные для них. И по отдельности даже невозможно всего высказать, сколько поруганий, сколько оскорблений и поношений находили от них на нас день ото дня. И биениями, и избиениями, и еретическими званиями стесненные, в великой печали пребывали. И этого даже хотели, чтобы и имя строителей стереть. ...Сколько страстей претерпели, –* продолжает Гиорги повесть о мытарствах своих предтеч, – *...хождения наши морем и сушей, и в Абхазию, и Картли за просительными письмами к греческим царям. И сколько раз получали письма самодержцев и возвращались, и опять с поруганием и оскорблением изгоняли нас < греки из монастыря > некормленных и необувленных в пору бурную и зимнюю; и так... восходили вновь в Царский, ... и опять плакали и искали суда пред царями... И немалые испытания постигали день ото дня братию, а более всего блаженного Арсени, ибо избит был, и много трудов претерпел, и*

заклучение в темницу, и попреки, и насмешки»⁷⁴.

Эта борьба завершилась тем, что Иверская Лавра утратила свой национальный характер. Но это случилось намного позднее, несколько веков спустя, после долгого сопротивления. Ивирон – маленькая грузинская территория в дальней стороне – как будто повторяла судьбу Грузии, ведя борьбу не на жизнь, а на смерть в окружении враждебно настроенного народа. Драматизм этой ситуации усугублялся тем, что этот враг был не иноверный захватчик, сделавший насилие своим ремеслом, а те же христиане, православные греки, учителя праведности и наставники благочестия для всего мира, к тому же монахи, которых как будто привело на Афон желание бежать от «мирского мятежа» и с любовью служить Богу и людям.

Впрочем, благодаря этому обстоятельству, за утратой Иверской Лавры не последовало ее уничтожение. Остались стены обители, возведенные трудом основателей; переведенные и переписанные ими книги и сейчас хранятся в здешней библиотеке; осталась чудесная икона Божьей Матери Портаитисса Иверцев, некогда обретенная грузином Габриэлом и разошедшаяся по всему миру в многочисленных почитаемых чудотворными копиях; осталось поклонение основателям Лавры, но давно уже это не грузинский монастырь, один из очагов грузинского

⁷⁴ *Житие ИЭ*, сс. 183–183; сс. 296–297.

духа. Из самого слова «*Иверский*» в применении к монастырю и его главной иконе как бы выветрилось этническое содержание, и русский автор акафиста, посвященного Иверской Богоматери и Ивируну, был одним из тех – конечно, за пределами Грузии, – кто обнаружил национальную сторону этих явлений, их глубокую связь со страной и народом, чье имя они носили⁷⁵.

Борьба за Иверский монастырь не прошла без последствий не только для непосредственных ее участников, но вообще для грузинского сознания. В процессе национально-религиозного возрождения, протекавшего в те же времена, развернувшаяся вокруг Лавры схватка так же сыграла свою роль, как и работа, проводившаяся в период ее расцвета. Как не раз бывало в истории Грузии, и не только Грузии, это враждебное нападение способствовало усилению и утончению национального сознания и чувства самобытности. Четче всего это выявилось в личности Гиорги Афонского.

Гиорги не был коренным афонцем. Он прибыл

⁷⁵ Последняя по времени попытка хотя бы частично восстановить право грузин на Иверский монастырь была предпринята во второй половине XIX в. иеромонахом Бенедиктом (Баркалая), который приобрел Иоанно-Богословский скит Иверского монастыря и собрал там до сорока грузинских насельников. Но стараниями греческих монахов Ивируна, почти все насельники скита, по решению греческого суда, были в 1919 г. выселены с Афона. См. Митрополит Шио (Муджири). *Великий грузинский подвижник на Афоне и его духовные преемники в Сенаки*. Сенаки, 2013, на грузинск. и русском яз, сс. 17–19, 66–67.

сюда уже испытанным в монашестве подвижником, которому довелось побывать во многих известных монастырях, видеть и иметь учителями многих великих наставников. Достаточно сказать, что двое его дядей-воспитателей – Гиорги и Саба Хахульские⁷⁶ и еще два наставника – Иларион Туалели⁷⁷ и Гиорги Отшельник – числятся в списке святых. И все-таки он оказался лучшим продолжателем дела именно Эптвимэ и истинным наследником его великодушия.

Неслучайно, должно быть, ближайший ученик его Гиорги Мцире, описывая жизнь и деятельность своего учителя, использует элементы жития Эптвимэ и имеющиеся там определения. Он дает, подобно Гиорги Афонскому, список книг, переведенных его героем, и оценивает их в тех же выражениях, что и Гиорги Афонский – работу Эптвимэ: *«Такового перевода, кроме < перевода > святого отца нашего Эптвимэ, другого не появлялось на нашем языке, и думаю, что и не появится»*⁷⁸. Как и Эптвимэ, и его герой отличается самозабвением. Он переводит не только *«на Святой Горе и Черной Горе»*... но и *«в Царском, и на пути, в Сулумбрии, Антиохии, и в Святом Симоне, и Калипосе и в других таковых местах»*⁷⁹. К данному приему Гиорги Мцире безус-

⁷⁶ Память их 19 декабря/1 января.

⁷⁷ Память 24 июля/6 августа.

⁷⁸ *Житие ГС*, с. 248; «Символ», № 38, 1997, с. 281.

⁷⁹ *Ibidem*, с. 250.

ловно прибег не потому, что у него, как говорит Руставели, «стал иссякать стих» – в искусстве слова он, возможно, кое-где даже превосходит своего великого учителя, а потому, что его герой виделся ему неким двойником великого Эптвимэ. Это представление, должно быть, усиливалось и тем, что Гиорги Святогорец прибавил новые переводы к созданной Эптвимэ литературе, и к тому же «завершил и восполнил»⁸⁰ некоторые переводы предшественника.

Гиорги Афонский оказался наследником Эптвимэ и по содержанию и внешним признакам деятельности, и по некоторым сторонам своего душевного склада и мирозерцания. В нем повторилась, в частности, та притягательная гармония между патриотическим чувством и сознанием общности христиан, которая царилла в душе Эптвимэ. В случае Эптвимэ об этой гармонии нужно догадываться, она больше просвечивает в его делах, фактах его жизни и творчества, Гиорги же выражает эту гармонию между частным национальным и общим христианским более непосредственно – словом, сложившимися взглядами. Без сомнения, мы имеем здесь дело с более высокой степенью сознания, которой афонские грузины достигли в течение нескольких десятилетий от времен Эптвимэ до времени Гиорги. И в этом им, должно быть, способствовали битвы, перенесенные за монастырь.

⁸⁰ *Ibidem*, с. 249.

Гиорги предстает важной фигурой в этой борьбе. Он был настоятелем Ивирона в сложный период его существования. Сделанные здесь его переводы, написанное им житие основателей, привезенные им из Грузии новые насельники еще на долгое время, в известном смысле, навсегда, закрепили этот монастырь за грузинским народом и его культурой. Но подобно тому, как критическое отношение к соотечественникам не ослабляет патриотических чувств Гиорги, так и обличение захватнических стремлений единоверных греков и борьба с ними не вредит сознанию религиозной и культурной близости с ними. Об этом свидетельствуют не только собственные переводы Гиорги, но и то, что многие книги, переведенные другими, он «с греческим сверил и от всякого недостатка восполнил»⁸¹, значит, еще более приблизил к греческим образцам. Но более того, христианское сознание Гиорги противилось и той вражде, что в его время стала угрозой для вселенского единства христиан.

* * *

Конфликт между грузинами и греками по поводу Ивирона протекал на фоне очередного обостре-

⁸¹ *Житие ГС*, с. 249.

ния вражды и взаимного отчуждения западных и восточных христиан, борьбы Константинопольского Патриарха Михаила Керуллара (1043–1058) с западным влиянием, и наконец, раскола 1054 года, продолжающегося до сих пор.

И в этих условиях афонские грузины должны были не только защищать свое достоинство – Иверскую Лавру, но и определять свое место в христианском мире, который разделялся у них на глазах. И замечательно, что братья Иверской Лавры в лице Гиорги Афонского и его последователей избрала не пристрастную поддержку какой-либо одной стороны, или продиктованную обидой национально-религиозную самоизоляцию, своего рода раскол внутри раскола, но отрицание разрыва и разъединения.

Эта линия четко выступает в двух крупнейших оригинальных творениях афонских грузин – в житиях Иованэ и Эптимэ и Гиорги Афонского. Герои Гиорги Святогорца бесспорно представляют собой неотъемлемую часть восточно-христианского мира, более того, один из них, Эптимэ, особенно близок к грекам – по воспитанию, языку, характеру деятельности, благодаря продолжительному пребыванию среди греков и на греческой земле. И именно в них выявляет Гиорги не только верность своей духовной родине – восточному христианству, но и явные признаки благорасположения к латинскому Западу.

Как сознательный вызов усиливающемуся духу

вражды между восточными и западными христианами, воспринимается один из эпизодов жития начальников Ивилона. Гиорги Афонский сообщает, что еще при Иованэ прибыл на Афон из «*Римской страны*» некто Леон с шестью учениками. И начальники Иверской Лавры с любовью приняли их и упросили остаться с ними, поскольку, – сказали они, – «*и мы чужие, и ты чужой*»⁸². Затем, по мере увеличения числа латинян, предложили и помогли Леону построить, как и сами поступили в свое время по совету Афанасия, отдельный монастырь – «*монастырь римлян... по канону и уставу святого Бенетикта*», то есть Бенедикта Нурсийского⁸³. Этот бенедиктинский монастырь на Афоне просуществовал до XIII века.

Гиорги Афонский передает чудесный рассказ о дружбе старца Леона с иверскими монахами, особенно, с тем Габриэлом⁸⁴, которым обретена была Иверская икона. Леон, оказывается, часто гостил в Иверском монастыре и имел здесь даже собственную келью, рядом с кельей Габриэла, и в час вечерний они покидали свои кельи, садились вместе и, по молитве, «*до утреннего звона вели беседы божественные*», хотя каждый из этих двоих знал только родной язык. Гиорги не застал старцев в живых и не был свидетелем удивительных мета-

⁸² *Житие ИЭ.* с. 144; «Символ», № 34, 1995, с. 372.

⁸³ *Ibidem*, с. 143.

⁸⁴ Габриэл Святогорец, преп. (X в.; память 12/25 июля).

язычных бесед, но кто помнил, уверяли его, что «от их святости все возможно было и вероятно»⁸⁵.

Как параллель рассказу о прибытии на Афон западного старца, как вторая сторона взаимного влечения друг к другу западных и восточных христиан, выступает в житии уже упоминавшееся выше намерение основателя Ивирона преподобного Иованэ бежать вместе с сыном Эптвимэ от славы мирской в Спанию-Испанию, от которого он отказался только по настоятельной просьбе царствующей семьи.

Дух примирения и непредвзятости, свойственный афонским грузинам, не проистекал из одного только инстинкта единства, утончению которого способствовали перенесенные беды. Их великодушие имело прочную опору в виде учености, знаний, охватывающих и содержание вероучения, и уже тысячелетнюю историю христианства. Личность Гиорги Афонского являет собой прекрасный пример тройственного – местного афонско-иверийского, грузинского и общехристианского патриотизма, и каждый из этих трех происходит не только из личных устремлений Гиорги, но и из знания исторической правды. Разумеется, в той мере, в какой доступна была ему в то время и в тех условиях.

Если Гиорги защищал грузинский приоритет в монастыре, ему давало на это право не только сочувствие к соотечественникам, но и глубокое

⁸⁵ *Житие ИЭ*, с. 145; «Символ», № 34, 1995, с. 372.

осознание и документированное знание того, что Ивирон материально и духовно был грузинским творением. Если он отстаивал самобытность Грузинской Церкви, то не только из любви к родине, но и потому, что вся история, представленная в доступных Гиорги источниках, вопияла об этой самобытности. И, наконец, если он пытается расшеять направленные против римлян подозрения и обвинения восточных христиан, то не только потому, что был пронизан духом христианского единства, но и потому, что был убежден в несправедливости обвинений. Это единство чувства и знания, чутья и документальной основы видно и из написанной Гиорги Святогорцем биографии первых афонцев, и из эпизодов его собственного жития, сохраненных его учеником Гиорги Мцире.

Один такой эпизод повествует о том, как защитил Гиорги перед Патриархом Антиохийским права Грузинской Церкви на полное самоуправление – автокефалию. Окружение патриарха побуждало его покуситься на это право (свидетельство того, что атака на Иверскую Лавру не была изолированным фактом), под тем предлогом, что будто бы ни один непосредственный ученик Христа не проповедовал в Грузии. Гиорги, спрошенный патриархом по этому поводу, в ответ указал на книгу *«Хождения апостола Андрея»* (эта книга, между прочим, числится в списке переводов Эптимэ) и сказал, что апостолы Андрей и Симон Кананит не только проповедовали в Грузии, но Симон Кананит даже

окончил здесь свои дни и *«похоронен в нашей стране, в Абхазии»*. И Гиорги, *«как бы забавляясь»* и, возможно, с той самой *«как бы улыбкой»*, о которой в другом месте упоминает биограф, сказал патриарху, что, поскольку Антиохийская Церковь считает своим основателем апостола Петра, а Петра впервые привел к Христу его брат Андрей⁸⁶, то справедливо будет, чтобы *«призванный тот призванному тому подчинился»*, и, значит, Антиохийская Церковь подчинилась Грузинскому Патриарху.

«Святой владыка, – прибавил еще Гиорги, – <вы>, которые нас невеждами и легкими видите, а сами себя мудрыми и тяжкими сделали, было время, что во всей Греции православия было не сыскать, и Иоанн, готский епископ, в Мухете был рукоположен в епископа, как написано в Великом Синаксаре»⁸⁷.

Второй эпизод относится ко времени возвращения Гиорги после пятилетнего отсутствия из Грузии в Грецию. Тогда император Константин Дука⁸⁸, который с большим почетом принимал этого уже прославленного церковного деятеля, спросил

⁸⁶ Ин 1, 41: *«И приведе его (Андрей Петра) ко Иисусови»*.

⁸⁷ *Житие ГС*, сс. 260–261; «Символ», № 38, 1997, с. 286. Это событие имело место в VIII веке во время господства в Византийской империи иконоборческой ереси. Иоанн, епископ Гот(ф)ский (VIII в.; память 19 мая/1 июня и 26 июня/9 июля).

⁸⁸ Константин XI Дука (1059–1097). Гиорги Мцире именуется его Дукицием.

его в присутствии гостивших при царском дворе знатных римлян:

«Поведай, как это так, что мы и вы на квасном < хлебе > приносим жертву и в вино вливаем воду, а римляне на пресном и безводном приносят жертву? Весьма странным кажется мне это дело и взаимно суротивным»⁸⁹.

Вопрос, который волновал императора, может показаться второстепенным, так как он, как явствует и из ответа Гиорги, относился к области символики и обрядов. Но это второстепенное различие, быть может, из-за его наглядности, занимало одно из главных мест в направленной против латинян критике, и не только в пересудах простых христиан, но и в богословских произведениях. Особенно же актуален он был в это время, поскольку именно служение на опресноках оказалось в центре противостояния между западными и восточными христианами, ибо Патриарх Михаил выбрал эту особенность латинского обряда одним из главных направлений борьбы против западного влияния. Ответ Гиорги отличается замечательной взвешенностью, чего так не хватало в эти роковые годы с одной и с другой стороны⁹⁰.

⁸⁹ *Житие ГС*, с. 290; «Символ», № 38, 1997, с. 300.

⁹⁰ *«И православие, и Рим равно считали себя правыми в спорных вопросах вероучения, а своего оппонента неправым, поэтому после схизмы и Рим, и Православная церковь притязали на звание истинной церкви. Но даже будучи убеждены в собственной правоте, они должны оглянуться*

По разъяснению Гиорги, «...так как в среду греков множество ересей вошло прежде, и многожды уклонились <от православия>, поэтому... благоверные цари святые соборы собрали... и учинили, чтобы мы брали тесто во образ Плоти Христовой, хлебную же закваску во образ души разумной и соль во образ разума, в противность ереси нечестивого Аполлинария, который Плоть Ту Христову Владычню бездушной и неразумной называл... В вино же вливаем воду во образ Крови и воды, которые истекли из бока Спасителя, как говорит Иоанн Златоуст... Римляне же, как однажды познали Бога, никогда уже не уклонялись, и никогда ересь не входила в их среду... И как Сам Господь преподал ученикам в ночь Вечери, так совершают они»⁹¹.

Следовательно, как видно из этого исторического экскурса, и тот, и другой обычай имеют свой смысл и оправдание: один – в верности древнейшему преданию, второй – в демонстрации правой веры. Поэтому, заключает он, «нет в этом разделения, только вера была бы правой»⁹².

назад с печалью и раскаянием. Обе стороны должны честно признать, что могли и должны были сделать больше для предотвращения схизмы». Епископ Диоклийский Каллист (Уэр). Православная Церковь. М., 2001, с. 67.

⁹¹ Житие ГС, с. 291; «Символ», № 38, 1997, сс. 300–301.

⁹² *Ibidem*, с. 291. Составитель Афонского патерика, I, с. 448, сообщает о вопросе императора и ответе Гиорги, но, не зная или дипломатично обходя суть рассуждений преподобного, указывает лишь, что «на все эти вопросы авва Георгий давал

Вновь отметим, что это утверждение о многовековой верности западных христиан православию Гиорги Афонский сформулировал в беседе, имевшей место буквально дня за два до своей блаженной кончины, в 1065 или 1066 году, а зафиксировано оно рукою Гиорги Мцире спустя всего несколько лет. Все это происходило уже после рокового события 1054 года, когда раскол стал фактом, и клятвы и анафемы с обеих сторон были произнесены. И в это время Гиорги и его верный ученик парируют суждения и взгляды, превратившиеся в теоретическую основу вражды и взаимного отчуждения.

Апология единства Церкви, произнесенная Гиорги Афонским перед самой кончиной в присутствии византийского императора и западных вельмож, приобретает характер духовного завещания, да еще обнаруженного в столь торжественной и многозначительной обстановке, завещания одного из выдающихся подвижников и мыслителей той эпохи, который вызывал восхищение византийского императора, грузинского царя и Антиохийского

ему < императору > *удовлетворительные ответы*». А в Грузии некоторые авторы-ревнители, имея дело с читателем, которому доступен оригинальный текст, пытаются толковать слова Гиорги Святогорца: *«только вера была бы правой»*, как укоризну и обличение неправоверия римлян, игнорируя при этом и контекст, и всю аргументацию преподобного отца, и следующее сразу за этой фразой замечание Гиорги Мцире: *«Князья же римские весьма обрадовались ... и говорили святому: „Отвезем тебя к святому папе“»*.

Патриарха.

Есть в этом эпизоде «*Жития*» еще один примечательный момент. Преподобному старцу, кроме защиты римлян и христианского единства, пришлось, как и в прениях с Антиохийским патриархом, свидетельствовать о правоверии еще одной Церкви, превосходящей в твердости греков, – Церкви Грузинской. Причем, если в беседе с патриархом, Гиорги приводит, хоть и яркий, но отдельно взятый случай из истории православия в Грузии, то в беседе с царем он говорит о приверженности к истинной вере как о даре, таланте, который сохранялся в этой стране от начала христианства.

Монарх спрашивает подвижника, есть ли различие между вероисповеданием грузинского народа и верой греков, которую он именует «*совершенной*» и «*безошибочной*». «*А блаженный тот, – сообщает жизнеописатель, – так высоко и богоблестательно высказал веру правую нашего грузинского рода, что удивил царя и всех князей его, и сказал царю: „Это есть вера правая рода нашего и, когда однажды познали ее, уже не уклонялись налево либо направо, и не уклонимся, если Бог пожелает“*»⁹³.

Этот удивительный феномен, мало известный за пределами Грузии, впрочем засвидетельствованный еще великим византийским историком Про-

⁹³ *Житие ГС*, с. 290; «Символ», № 38, 1997, с. 300.

копием Кесарийским⁹⁴, и который вслед за Георги Афонским почти слово в слово подтверждают отцы поместного Руисско-Урбнисского собора 1103 года⁹⁵, в согласии с пророчеством преподобного (*«и не уклонимся, если Бог пожелает»*), несмотря на попытки, по ведению (у грузинских ученых) или неведению (у зарубежных исследователей), поставить его под сомнение, действен до сих пор⁹⁶.

Указание на него делает особо весомыми слова Гиорги, ибо за ним стоит обладающая божественным даром православности древнейшая Поместная Церковь, корифеем которой он был при жизни и остался на вечные времена.

Схизма 1054 года был явлением такого масштаба, что Гиорги Афонский так же мало мог про-

⁹⁴ Прокопий. *Война с персами*. Кн. 1, XII, 3.

⁹⁵ *Столпописание святого и богособранного собора, который собрался по велению благочестивого и богохранимого царя нашего Давида, абхазов и грузин, ранов и кахов царя, ради причин, что упомянуты ниже.* – «Символ», № 40, 1998, с. 306.

⁹⁶ *«Не раз пытались проникнуть в Грузию и другие ереси и лжеучения... Но все напрасно... Соблюдая таким образом во всей чистоте и неповрежденности православную веру отцов, при всех смутах и бедствиях в продолжение веков народ грузинский умел соблюдать в себе и благочестие, которому иногда невольно отдавали справедливость даже иноплеменные наблюдатели».* Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. *История Русской Церкви*. М. 1994, Кн. 1, сс 155–157.

тивостоять ей, как какому-нибудь космическому катаклизму. Потому-то его выступление перед византийским императором в пользу римлян, а значит, и против раскола с ними, может восприниматься, как глас вопиющего в пустыне вражды, разделившей и разделяющей две части Вселенской Церкви.

Однако соотечественники Гиорги Святогорца не остались глухи к его призыву. И хотя и у нас, особенно в более позднюю эпоху, найдется не один пример антилатинских выпадов (гонения на Сулхана-Саба Орбелиани, изгнание Католикоса-Патриарха Антони Великого⁹⁷), все же через всю историю Грузии проходит и то, что можно было бы назвать линией великих отцов Ивирона – линия примирительного отношения к западному христианству, представленная многими выдающимися деятелями грузинского государства и Церкви и блестяще увенчанная великомученицей Кетеван. Ведь царица Кетеван фактически стала, быть может, единственной в период после раскола общей православно-католической святой, с тех пор как части ее истерзанного тела разделили для поклонения православные грузины и монахи-августинцы⁹⁸.

⁹⁷ Антони I Великий, грузинский Католикос-Патриарх (1744–1755, 1762–1788). В 1755 году был низложен и изгнан из страны за близость к католикам. В годы изгнания он управлял Владимирской епархией Русской Церкви.

⁹⁸ Кетеван, святая великомученица († 1624, память 13/26

В аргументации Гиорги просматривается еще один примечательный момент, имеющий и более общее значение. Припоминая тысячелетнюю историю Христианской Церкви, Гиорги отмечает, что она не раз ввергалась в трудности из-за одного заметного недостатка греков – их легкой увлекаемости ошибочными идеями, что, быть может, было почти неизбежным продолжением их же великого достоинства – баснословной интеллектуальной гениальности.

И сейчас, когда Церковь стоит перед еще одним великим испытанием, Гиорги как будто через головы греков обращается с призывом к своим соотечественникам жить собственным умом, быть более самобытными, смелее опираться на собственный опыт, тем более, что грузинам, по слову того же Гиорги, дан от Бога великий дар, который выражается в том, что *«когда однажды познали ее [правую веру], уже не уклонялись налево либо направо, и не уклонимся, если Бог захочет»*.

Разумеется, это не призыв к национальной гордыне и религиозному самоволию, но – к большей ответственности. Это то же *«опираться бы нам*

сентября) – царица Кахети (Восточная Грузия), плененная персами и подвергнутая изощренным пыткам. Оставленная своими приближенными, она нашла поддержку у монахов августинской миссии. Они же, после казни, подобрали мощи святой царицы, часть которых была передана в Грузию, часть увезена в католический монастырь в Гоа (Индия). Еще одна часть мощей святой великомученицы в настоящее время хранится в ватиканском Соборе св. Петра.

на самих себя», но сказанное ровно за восемьсот лет до святого праведного Илии Чавчавадзе⁹⁹. К тому же призыв Чавчавадзе подразумевает больше внутренние грузинские проблемы, а Гиорги думает об общецерковных вопросах вселенского значения и считает, что здесь его соотечественники могут сказать свое слово.

Автор греческого жития афонских грузин, начиная свой рассказ, пишет: *«Я думаю, что не только несправедливо, что мы не празднуем их (дни памяти Иованэ и Гиорги Строителя), чтобы хоть кратко передать отдельный рассказ об их жизни; но и очень нужно < это делать >, поскольку многие ничего не знают о них; и близко к нечестию, и является обвинением против нас же самих, и грешно перед Богом, знать жития и достижения многих других святых и не знать, что написано о наших собственных отцах и строителях»*¹⁰⁰.

Это замечание касается не только греков – насельников Иверского монастыря, но еще больше грузин, и не только в прямом смысле, дабы вспоминать *«отцов и строителей»*, но еще более в том смысле, чтобы прислушаться к их заветам, постигнуть смысл их деятельности, понять, что же значило *«говорить по-грузински свободно»* и для афонских отцов, и, возможно, для Той великолеп-

⁹⁹ Фраза из *Записок путешественника* Илии Чавчавадзе, ставшая в Грузии крылатой.

¹⁰⁰ *Греческое Житие Иованэ, Эптимэ и Гиорги Афонских*, сс. 77–78.

ной Царицы, Которая призрела на отрока Эптвимэ, избавила его от близкой смерти и призвала его на исключительное служение.

Предисловие к кн.: *Жития Иованэ, Эптвимэ, Гиорги
Афонских, Criterium*, 2018. сс. 7–98.

